Жеводанский зверь

Автор:
Эли Берте

Жеводанский зверь

Эли Берте

«Есть в графстве Жеводан небольшой городок Лангонь. Он расположен среди высоких гор и довольно густых лесов, которые делают доступ к нему весьма затрудненным. В ту эпоху, когда религиозные войны опустошали Севеннские горы, этот городок, расположенный на неплодородной земле, да еще и в отдалении от торговых путей, не имел шансов на хозяйственное развитие.

Впрочем, Лангонь и по сей день довольно скромное селение; пожалуй, только в этом департаменте, лишенном больших и шумных городов, он вообще способен считаться городом…»

Эли Бертэ

Жеводанский зверь

Первое издание перевода: Жеводанский зверь. Роман Эли Бертэ. – Санкт-Петербург: тип. И. И. Глазунова, 1868. – 355 с., 22 см.

La B?te du Gevaudan (1858)

* * *

I Толки

Есть в графстве Жеводан небольшой городок Лангонь. Он расположен среди высоких гор и довольно густых лесов, которые делают доступ к нему весьма затрудненным. В ту эпоху, когда религиозные войны опустошали Севеннские горы, этот городок, расположенный на неплодородной земле, да еще и в отдалении от торговых путей, не имел шансов на хозяйственное развитие.

Впрочем, Лангонь и по сей день довольно скромное селение; пожалуй, только в этом департаменте, лишенном больших и шумных городов, он вообще способен считаться городом.

Но однажды, в начале осени 1764 года, немногие жители, оставшиеся в городе во время полевых работ, были напуганы чрезвычайным происшествием. Бальи[1 - бальи – во Франции XIII–XVIII вв. представитель короля или сеньора, управлявший областью, называемой бальяжем, в которой осуществлял административную, судебную и военную власть.], сопровождаемый барабанщиком, ходил по городу, объявляя своим подчиненным прокламацию, возбуждавшую живой интерес. Бальи, закутанный в черный плащ, в огромном парике и четырехугольной шляпе, шел со всей возможной важностью со свернутой бумагой в руках.

На каждой площади, на каждом переулке он останавливался, барабанщик начинал барабанить, а бальи, развернув бумагу, читал гнусавым голосом официальный акт, с которым ему поручено было ознакомить людей. Чтение это происходило на двух языках: по-французски, а затем на местном наречии – увы, в то время французский язык не был достаточно распространен в этих удаленных от Парижа краях, так что бальи рисковал быть непонятым ни одним из ста своих слушателей.

Расскажем, однако, о чем же говорила эта торжественная прокламация, которая взволновала жителей Лангони так же, как жителей прочих городов и деревень этой провинции.

Уже несколько месяцев страну опустошало свирепое животное, которое считали чудовищным волком и называли жеводанским зверем. Он убил уже немало людей: и мужчин, и женщин, и детей. Каждый день приходило известие о каком-нибудь несчастье; крестьяне, вынужденные выходить в поля, не смели делать этого иначе, как вооруженные и только собравшись целой толпой. Приказано было устроить охоту, и все охотники провинции объединились, чтобы захватить или убить этого свирепого зверя. Лес, в котором он рыскал, был несколько раз прочесан. Тем не менее столь же хитрый, сколь кровожадный, зверь этот смог укрыться от преследователей. А вечером после этой охотничьей вылазки молодые пастухи были растерзаны недалеко от того места, где проводились поиски. Зверь словно посмеялся над людьми.

Такое положение дел возбудило всеобщие жалобы, ужас, царствовавший в стране, был так велик, что провинциальные власти наконец серьезно принялись за решение этой проблемы. В прокламации, прочитанной бальи, тому, кто убьет жеводанского зверя, обещалась награда от Лангедокских штатов в две тысячи ливров.

К этой сумме синдики Менда и Вивье прибавляли еще пятьсот ливров. Кроме того, бальи приглашал добровольцев, неважно, вооруженных или нет, явиться на следующий день в замок Меркоар, находившийся в нескольких лье от города. Организовывалась новая охота, которой должен был распоряжаться Ларош-Боассо, один из жеводанских баронов.

Бальи, обойдя, как мы сказали, площади и перекрестки Лангони, что продолжалось недолго, начал в последний раз читать свою прокламацию на конце главной улицы, перед гостиницей. В ней непременно должны были останавливаться путешественники: это было единственное подобное заведение в городе. Окончив свое дело, бальи отпустил барабанщика, потом, не желая отвечать на вопросы людей, собравшихся вокруг него, величественным шагом отправился домой.

Его удаление заставило разойтись толпу, собравшуюся перед дверью гостиницы, в которой с жаром продолжали разговаривать о событии этого дня.

– Две тысячи пятьсот ливров! – повторял худощавый маленький человечек, торговец швейными товарами. – Мендские и лангедокские синдики расщедрились! А еще уверяют, что король прибавит к этой сумме четыреста или пятьсот ливров из своей собственной шкатулки… Это сколько же отмерить

аршин холста и тесемок, чтобы заработать столько денег!.. Если жена позволит, я сниму старое ружье моего деда и пойду завтра вместе с другими в замок Меркоар попытать счастья.

– В таком случае зверю стоит начать опасаться за свою шкуру, сосед Гиньяр, – сказал с насмешкой поверенный в делах лангоньского аббатства: – Я охотно побьюсь об заклад, что мадам Гиньяр рискнет своим мужем, если вы расположены сами рискнуть собой… Если уж вы так храбры, почему бы вам не отправиться к барону Ларош-Боассо и просить у него поставить вас на какой-нибудь хороший пост, где вы могли бы заработать эти деньги?

Гиньяр сделал такую кислую мину, что присутствующие громко расхохотались.

– Сказать по правде, господин поверенный, – с беспокойством отвечал Гиньяр, – ружье-то не совсем в порядке, и я сомневаюсь, успеют ли его починить до завтра. Притом барон Ларош-Боассо не даст первого места таким ничтожным людям, как мы. Вот увидите: барон даст заработать эти деньги которому-нибудь из наших богатых дворян.

– А почему ему самому не заработать эти деньги? – возразил поверенный с насмешливой улыбкой. – Он самый искусный охотник, самый опытный стрелок во всей провинции; зачем ему уступать другим честь и прибыль от этого дела?

Несмотря на свою гордость, он не побрезгует этими двумя тысячами пятьюстами ливрами, ручаюсь вам… Теперь уже всем известно, что его дела очень запутаны…

Хорошенькая брюнетка лет тридцати шести, кокетливо одетая, с золотым крестиком на шее и перстнями на каждом пальце, перебила поверенного:

– Ах, бросьте, мосье Блиндэ, – сказала она скороговоркой. – Можете ли вы при мне так говорить о красивом и любезном дворянине, который всегда останавливается в моей гостинице, когда едет в Лангонь? Если барон Ларош-Боассо имеет долги, что же в том дурного? Такие знатные дворяне, как он, разве не вынуждены иметь долги, чтобы поддерживать соответствующий своему званию образ жизни?.. Но, может быть, я смогу отгадать причину вашего злоязычия? Несмотря на ваше желание, он не захотел взять вас в свои поверенные и доверил свои интересы старику Легри, верно? С другой стороны, с

тех пор как вы стали поверенным городского монастыря, вы возомнили себя почти что принадлежащим к католическому духовенству, а эти Ларош-Боассо слывут скрытыми протестантами… Я не знаю, правда ли это, но могу утверждать, что никогда барон не ел у меня скоромного в пятницу; на завтрак он обыкновенно довольствуется яичницей с форелью и бутылкой моего сенперейского вина. Это человек учтивый и веселого характера. У него всегда найдется любезное словцо для хозяйки…

– И он всегда готов заплатить за свой завтрак поцелуем; неправда ли, мадам Ришар? – лукаво закончил поверенный.

Хорошенькая трактирщица покраснела до ушей.

– Злой у вас язык, мосье Блиндэ, – возразила она со смущенной улыбкой. – Ради бога, не говорите так громко, потому что неизвестно, кто может вас услышать. Сказать по правде, барон Ларош-Боассо должен проехать сегодня через Лангонь по дороге в замок Меркоар. Наверное, он остановится у меня, чтобы перекусить и дать отдохнуть лошадям… Ваша клевета может повредить ему. Вы знаете, – прибавила она, понизив голос, – что поговаривают о его женитьбе на мадемуазель де Баржак, богатой и прелестной владетельнице Меркоара.

– Поговаривают, но я этому не верю; напротив…

Тут собеседники заговорили так тихо, что их невозможно стало расслышать. Зато спор в другой группе, находившейся в том же зале, становился все шумнее и оживленнее.

– Что же это: волк или нет? – спросил городской бочарь с видом недоумения. – Ведь это должно быть известно правительству, а в прокламации об этом ничего не говорится. Там упомянут только какой-то жеводанский зверь… Черт побери! Это обозначение кажется мне каким-то неясным, в здешней стороне зверей немало!

– Замечание Гривэ не лишено смысла, – сказал писарь сельского нотариуса. – Правительству следовало бы четче определить, какого рода это животное… А в этом-то и затруднение! Я два раза был писарем в следствиях по этому делу и сам не могу сказать: человек или зверь виновник этих ужасов.

– Как это? Объяснитесь, мосье Флоризель! – закричали со всех сторон.

Писарь, по-видимому, очень гордился произведенным им впечатлением и обвел своих слушателей самоуверенным взором.

– Послушайте, – продолжал он, – первый раз это случилось с Гильомом Патюро, которому было шестнадцать лет. Он возвращался с мендской ярмарки, с десятью экю в кармане, когда вечером, где-то в десять часов, в то время, как он проходил по Вилларсскому лесу, на него напал зверь. На другое утро несчастного Гильома нашли на дне оврага полурастерзанным.

Суд, распоряжавшийся следствием, показал, что на теле были следы когтей и зубов; но когти были длиннее, а зубы, напротив, короче, чем у какого бы то ни было животного из наших лесов. Притом, хотя одежда мальчика была почти цела, деньги, бывшие при нем, пропали… а так как никакое животное не может съесть монеты в три и шесть ливров, я говорю, что это довольно необыкновенное обстоятельство.

Все присутствующие были того же мнения, но Блиндэ, прервавший свой разговор с мадам Ришар, чтобы послушать речь писаря Флоризеля, презрительно покачал головой.

– Хорошо! Так вот как вы думаете, простодушный и легковерный молодой человек! – заметил он писарю. – Когда будете опытнее в судебных делах, вы узнаете, что проницательный судья должен отыскивать самые простые и естественные объяснения, потому что они, как правило, справедливы. Так и теперь. Разве не может быть, что какой-нибудь бесстрашный прохожий осмотрел карманы юноши до вашего прихода? А я побьюсь об заклад, что тот, кто первый нашел тело и донес об этом, произвел эту нехитрую операцию.

Этот урок, данный старым практиком в присутствии стольких почтенных особ, смутил Флоризеля; но он, собравшись, продолжил:

– Вы человек искусный, мосье Блиндэ; жаль, что суд не часто прибегает к вашим советам; никакой злодей на двух или четырех ногах не мог бы ускользнуть от вас. Но если вы так проницательны, объясните мне также происшествия, которые были предметом второго следствия, где я участвовал. На этот раз дело было о четырехлетием ребенке, которого мать оставила одного в колыбели, пока

ходила в поле. Дом их стоит недалеко от леса, в отдалении от прочих домов. Где-то через час мать вернулась и нашла своего ребенка мертвым – растерзанным в нескольких шагах от колыбели. Но самое непонятное во всем этом другое: женщина поклялась нам, что, выходя, она заперла дверь дома на щеколду, и когда она воротилась, дверь эта была заперта точно таким же образом. Бальи двадцать раз задавал ей тот же вопрос и двадцать раз получил тот же ответ. Стало быть, если волк опустошает страну, то этот волк умеет отворять и запирать двери… Что вы скажете на это, господин Блиндэ?

Любопытство слушателей было растревожено; все обернулись к Блиндэ, чтобы услышать его мнение на счет этого странного обстоятельства. Блиндэ почесал за ухом, что было не так-то просто сделать из-за его огромного парика, и сказал с важностью:

– Да уж, не думаю, что волк смог бы отворить дверь, запертую на щеколду. Не буду вас убеждать, что хищный зверь, привлеченный криками ребенка, встал на задние лапы и отодвинул щеколду. Я думаю, скорее, что крестьянка хочет оправдать свою непредусмотрительность…

– Еще раз повторяю: она поклялась нам, что не может упрекнуть себя в какой небрежности. Впрочем, предположим, что она оставила дверь отпертой, как же эта дверь закрылась к моменту ее возращения?

– Быть может, ветер…

– Пусть эти господа и дамы рассудят, – сказал писарь, обращаясь к слушателям, которые действительно, казалось, не были удовлетворены объяснениями Блиндэ. – Я, несмотря на мое уважение к опытности мосье Блиндэ, остаюсь при своем мнении: жеводанский зверь – совсем не то, что о нем думают.

Это было сказано тоном оракула, который произвел большое впечатление на присутствующих. Наступило минутное молчание.

– По вашему мнению, что же это такое, мосье Флоризель? – спросила хорошенькая трактирщица. – Барон Ларош-Боассо уверяет, что это волк, а он, кажется, должен знать толк в этом…

– Я слышал, что это рысь… Этот зверь видит сквозь стены, – сказал бочарь.

– А я думаю, что это лев, вырвавшийся из зверинца Монпелье, – прибавил торговец швейными товарами.

– А я полагаю, – возразил Блиндэ с притворной серьезностью, – что это слон. Слон, вы знаете, может при помощи своего хобота делать массу разных вещей; таким образом объясняется, как этот зверь мог отворить и затворить дверь!

Общий хохот встретил эти слова. Только одна мадам Ришар восприняла шутку всерьез.

– А если бы и слон, – сказала она наивно, – барон Ларош-Боассо такой искусный охотник, что сумеет с ним справиться! Ручаюсь вам!

Между тем Флоризель обиделся на сарказм Блиндэ и ответил, закусив губу:

– Каждый вправе приписывать несчастья страны крысе, льву, даже слону, как предполагает мосье Блиндэ со своей необыкновенной проницательностью. А я же имею на этот счет свое мнение и утверждаю, что это зверь… мнимый жеводанский зверь…

– Волк! – сказал грубый голос откуда-то из последних рядов собравшихся. – Я это знаю, потому что видел его! И не позже, как вчера вечером!

Новый собеседник, высокий и сильный крестьянин, только в эту минуту пришел из соседнего села. Он держал в одной руке свой кафтан и деревянные башмаки, а в другой – длинную палку, к концу которой был прикреплен старый нож, придавая ей вид грубого копья. За ним, высунув язык, шла огромная собака в ошейнике с острыми шипами. Флоризель, раздраженный, что его прервали в ту самую минуту, когда он собирался выразить свое личное мнение о таинственном опустошителе страны, спросил, окидывая путешественника с ног до головы презрительным взглядом:

– Вы видели жеводанского зверя? А кто вы такой, приятель, что столь бесцеремонно вмешались в наш разговор?

– Я Жан Годар, – спокойно отвечал крестьянин, – пастух мадемуазель де Баржак. Моя госпожа послала меня к господину бальи, чтобы просить добрых жителей

Лангони непременно явиться завтра на охоту. Надо спешить! Вчера на закате зверь бросился на Жаннету, которая гнала индеек к ферме. Он уже напал на бедную девушку, когда я прибежал на ее крик. Моя собака, вот эта, бросилась на волка, что довольно странно, потому что все другие собаки разбегаются, увидев его. Но Медор – молодец, мы вдвоем освободили Жаннету. Она обезумела от страха, но отделалась только несколькими царапинами.

Это точное свидетельство прекратило все предположения. Писарь Флоризель сконфузился.

– А вы уверены, – спросил он, – что это был волк?

– Уверен ли? – возмутился Жан Годар. – Я его видел, как вижу вас; я даже вырвал у него клок шерсти, пока он боролся с моим храбрым Медором… Да, это волк, но такой огромный, как наш осленок. Я никак не мог вонзить в него нож. Он тащил Жаннету, которая довольно крепкая девушка, как я тащил бы годовалого ребенка, а Медора ударом головы отбросил шагов за двадцать. Право не знаю, как бы мы с ним справились, если б работники с фермы не прибежали к нам на помощь: это заставило волка удалиться в лес… Однако извините, честная компания, – продолжал крестьянин. – Я должен исполнить поручение! К тому же я спешу воротиться в замок: не хочу возвращаться домой, когда стемнеет, тем более что волк удалился куда-то в ваши леса.

Жан Годар свистнул своей собаке и ушел так поспешно, что не услышал посреди шума нового голоса, который с испугом проговорил:

– Зверь в Меркоарском лесу! Да защитит нас святая Дева! А нам надо проезжать через этот лес по дороге к мадемуазель де Баржак!

Предшествующий разговор происходил на местном наречии, а это последнее замечание было сказано по-французски. Дивленные этой странностью, разговаривавшие обернулись и заметили двух путешественников на лошаках. Они незаметно приблизились к группе и слышали все, о чем шел разговор.

Один из этих путешественников был бенедиктинец, облаченный в черно-белый костюм своего ордена. Капюшон, отброшенный назад, открывал волосы, выстриженные в виде венца, и лицо с глазами живыми и бойкими. Ему было не более сорока лет. То ли вследствие сидячей жизни, то ли от любви к вкусной и

обильной пище – известный грешок духовных лиц! – он был весьма упитан, хотя еще не шарообразен. Можно даже сказать, что округлость шла его лицу, делая его выражение добродушным. Его одежда, сшитая из хорошей ткани, и дорогая упряжь лошака показывали не простого монаха. И действительно, серебряный крест, висевший на его груди на широкой ленте, был знаком высокого духовного звания.

Товарищ его, молодой человек лет двадцати пяти, имел длинные белокурые волосы, непудренные и незавитые, вопреки обычаям того времени. При нем не было шпаги. Но тогда шпага уже не была отличительным признаком дворянина, потому что самые смиренные чиновники считали себя вправе обладать этим знаком благородного звания. Черты юноши были четки, выразительны, а взгляд – смел и открыт.

Гибкий и хорошо сложенный, юноша наверняка преуспевал в верховой езде, фехтовании и прочих занятиях, которыми обычно увлекались молодые люди его возраста.

Но выражение его лица говорило о том, что учение и размышление более занимали его свободное время, нежели игры и удовольствия, свойственные юности. Что-то скромное и сдержанное в его облике говорило о том, что юноша привык к суровой дисциплине и послушанию. По некоторой резкости движений, по нахмуриванию бровей и интонациям голоса можно было угадать человека энергичного и умного, а также с некоторой склонностью к риску.

Было заметно, что молодой человек подражал манерам монаха, очевидно, они были знакомы долгое время и юноша испытывал к своему старшему другу искреннее уважение. Он остановился тогда же, когда остановился бенедиктинец, и так же, как и монах, выслушал страшное известие, привезенное в Лангонь Жаном Годаром. Но он, казалось, нисколько не разделял испуга своего спутника, и ироническая улыбка играла на его губах.

Как только жители Лангони взглянули на путешественников, шляпы и шапки исчезли как бы по волшебству, почтительная тишина распространилась в толпе, только что шумной и оживленной.

Хорошенькая трактирщица мадам Ришар первая пришла в себя:

– Ах! Это же отец Бонавантюр, настоятель Фронтенакского аббатства, – сказала она, любезно поклонившись бенедиктинцу, – и мосье Леонс, племянник его преподобия…

Тут она поклонилась молодому человеку, который отвечал ей тем же, слегка покраснев.

– Добро пожаловать в наш город, почтенный отец, благословите нас.

– Благословляю и вас, дочь моя, и всех христиан, слышащих нас, – рассеянно отвечал бенедиктинец. – Но Боже мой! Мадам Ришар, я сейчас слышал, что это ужасное животное, жеводанский зверь…

– Я надеюсь, – перебила трактирщица самым ласковым тоном: – вы не проедете Лангонь, не отдохнув у меня. Ваше присутствие принесет счастье моему бедному дому. Если вы едете в Меркоар, вам непременно надо остановиться где-нибудь на дороге, а лучше здесь.

– Мне хотелось бы, дочь моя, – отвечал бенедиктинец. – Но вы же слышали, что нам стоит проехать через лес засветло.

– Вы непременно приедете в замок до ночи! Согласитесь сойти с лошади, и я подам вам полдник, который вам понравится. Уж моя-то кухня вам известна!

Настоятель, по-видимому, почувствовал сильное искушение.

– Да, да, признаюсь, вы неподражаемы в приготовлении голубей с шампиньонами и яичницы с форелью, моя милая мадам Ришар. Но разве нависшая над нами угроза не должна остановить наше стремление к чувственным удовольствиям? Что вы скажете, Леонс? – обратился он к племяннику. – Остановиться нам у мадам Ришар или нет?

– Я в вашем распоряжении, дядюшка, – скромно ответил Леонс, – мы вот уже шесть часов путешествуем по горам, а вы лишь легко позавтракали в аббатстве! Вам непременно нужно отдохнуть и перекусить. С другой стороны, и лошаки наши устали.

– Хорошо, – сказал настоятель, в душе которого любовь к голубям с шампиньонами боролась со страхом перед невиданным зверем. – Мы здесь остановимся на минутку… Слышите, мадам Ришар, только на минуту, нам достаточно малейшей безделицы, чтоб подкрепить наши силы. Какая жалость, дочь моя, что мы рабы нашего бренного тела!

Хорошенькая трактирщица бросила на присутствующих взгляд, исполненный искренней гордости и радости.

– Положитесь на меня, преподобный отец! – вскричала она. – Это счастье для моего дома!.. Пожалуйте, пожалуйте, все готово! Слава богу, гости меня никогда не застанут врасплох!

Она схватила за узду лошака, на котором сидел бенедиктинец, и с торжеством повела его к гостинице, между тем как Леонс следовал за ними с равнодушным видом.

– Гм! – сказал Блиндэ с насмешкой. – Жалею я тех бедных путешественников, которым придется после этого остановиться у вдовы Ришар: вместо обеда их будут потчевать рассказами о подвигах отца Бонавантюра.

Но никто не слышал этого замечания насмешника Блиндэ.

Как только любопытные увидели, что путешественники вошли в гостиницу, они тут же разбрелись по городу, чтобы повсюду рассказывать о том, что в Лангонь приехал настоятель Фронтенакского аббатства со своим племянником. Гости остановились у мадам Ришар, они оба едут в замок Меркоар. Жители городка тут же пустились в предположение о том, зачем такие важные особы пожаловали в эти края.

II Гостиница

Чтобы понять сильное впечатление, произведенное в Лангони приездом отца Бонавантюра, необходимо знать, что Фронтенакское аббатство, к которому он принадлежал, было тогда самым обширным, самым богатым, самым

могущественным религиозным учреждением во всей провинции. Это аббатство, находившееся по соседству с Флораком, имело огромные владения, плодоносную, хорошо обрабатываемую почву, многочисленных хорошо трудившихся крестьян. Кроме того, благодаря множеству пожертвований и завещаний, оно имело значительное влияние на другие земли. Фронтенакская братия слыла весьма ученой, а монастырь уже несколько веков давал миру прославленных теологов и историков. Аббат их имел звание прелата; он прибавлял к своему имени титул дом и входил в число представителей духовенства, которые участвовали в ежегодных собраниях Жеводанских штатов.

В то время аббат фронтенакский по причине своих преклонных лет был неспособен сам управлять монастырем, и вся его власть перешла к приору аббатства. Отец Бонавантюр, пользуясь неограниченным доверием своего начальника и капитула Фронтенакского, управлял всеми делами общины. Человек ученый, трудолюбивый и набожный, он был гордостью своего монастыря, прежде чем сделался его главою. С этими качествами, так сказать, монашескими, в приоре Бонавантюре соединялись деловитость, оборотистость и осторожность – словом, мирское благоразумие, необходимое в стране, где еще не угасли религиозные распри, где протестантская оппозиция, тайная и сдержанная, часто создавала препятствие католическому духовенству. Благоразумие помогло ему восторжествовать над тайной завистью, которую возбуждало во многих сильных мира сего благоденствие Фронтенакского монастыря. Стараниями приора это благоденствие только увеличивалось.

Поэтому мадам Ришар была действительно очень довольна, что ей выпала честь принимать в своей маленькой гостинице такую могущественную особу в сопровождении молодого родственника, об уме и образованности которого ходила молва. Угодить этим гостям было для хозяйки гостиницы делом чести. Проводив их в маленькую гостиную, смежную с кухней, она нарядилась в белый передник и бегала от очага к очагу, браня своих служанок. Впрочем, почти все было приготовлено заранее. Маленькая гостиная отличалась изумительной опрятностью – качество в то время редкое для гостиниц южной Франции. Стол был уже накрыт белой скатертью, на которой стояли корзины со свежими фруктами, кружки с жирными сливками, пирамида из ароматной земляники и холодная дичь. Эта приятная картина могла бы, кажется, отвлечь приора от его беспокойства насчет жеводанского зверя, однако преподобный Бонавантюр, изучив взглядом стол, с сожалением сказал трактирщице:

– Уберите эту дичь, дочь моя! Хотя мы с Леонсом могли бы сослаться на привилегию путешественников, но не забудем, что сегодня постный день. Мы довольствуемся яичницей с форелью. И фруктами… у которых очень аппетитный вид.

Мадам Ришар повиновалась и отнесла отвергнутые приором кушанья. Верная своим обещаниям, она спешила приготовить завтрак, и через несколько минут знаменитая яичница была внесена в гостиную на оловянном блюде, блестевшем, словно серебряное. Приор, повязав салфетку, поспешил дать волю своему аппетиту, а Леонс тут же присоединился к нему, разумеется, не из почтения, а из чувства голода. Несколько рюмок превосходного вина окончательно подкрепили душу и тело путешественников, так что дядя и племянник, а первый в особенности, уже совсем не торопились ехать.

Трактирщица беспрестанно суетилась вокруг них; она сама прислуживала таким важным гостям и старалась между делом как-нибудь ловко выпытать у них что-нибудь о цели путешествия.

– Это чудо, истинное чудо, – говорила она, – видеть в Лангони самого фронтенакского приора! Без сомнения, отец Бонавантюр со своим племянником едут в Меркоар присутствовать на большой охоте, которая должна начаться завтра!

– Разве я похож на охотника? – спросил приор веселым тоном. – А Леонс разве похож на тех легкомысленных юношей, которые скачут по двенадцать часов подряд по горам и лесам, чтобы увидеть, как бедного зверя терзают собаки? На этот раз, без сомнения, охота будет иметь более благородную и более полезную цель, потому что речь идет о том, чтобы освободить страну от свирепого животного, опустошающего ее. Но мы с Леонсом вряд ли смогли бы отличиться в подобном деле: племянник мой за всю свою жизнь ни разу не притронулся к оружию. А я… впрочем, дочь моя, это не секрет: я еду в Меркоар помогать мадемуазель де Баржак, питомице нашего монастыря, в хлопотах, связанных с завтрашним многолюдным собранием. В замок приедут охотники, из которых, может быть, некоторые будут слишком смелы в своих речах или непочтительны в своем обращении. Мое присутствие, конечно, будет останавливать этих шумных гостей, оттого-то я и предпринял это тягостное путешествие.

Может быть, у бенедиктинца были другие причины, кроме тех, о которых он заблагорассудился рассказать, но он говорил с непринужденностью и

естественностью, не оставляющими сомнений в его искренности. Мадам Ришар лукаво улыбнулась:

– Если справедливо то, что рассказывают, преподобный, – отвечала она, – вам будет нетрудно, потому что мадемуазель де Баржак сама умеет заставить уважать себя. Я не намерена дурно говорить о благородной девице, находящейся под опекой Фронтенакского аббатства, но говорят, эта мадемуазель по характеру довольно независима и решительна… Право, я не осмелюсь даже повторить при вас и половину того, что говорят о ней…

Бенедиктинец перестал есть и сердито взглянул на трактирщицу.

– Объяснитесь, мадам Ришар, – сказал он повелительно, – я вам приказываю… Я непременно хочу знать все, что говорят о мадемуазель де Баржак.

– Ах, боже мой! – отвечала трактирщица, оробев и наливая вина своим гостям, – это наверняка клевета: люди так злоязычны! Притом на честь и репутацию вашей питомицы никто не нападает; это девица гордая, всем это известно, и влюбленным и ухаживающим за ней не очень-то удается расположить ее к себе… Но говорят о ее смелости в обращении, о ее резкости, о ее капризах, доходящих иногда до сумасбродства. Уверяют, будто она одевается в мужское платье и скачет верхом по лесам и полям, что рука ее проворна для наказания тех, кто ее оскорбляет, а в минуты нетерпения и злости она ругается, как мужчина… наш торговец сеном, который, сказать по правде, гугенот, уверяет, что слышал, как она ругалась, и был весьма поражен набором слов, которые она использовала.

Краска покрыла щеки Леонса.

– Добрая женщина, – сказал он, сдерживая недовольство. – Избавьте нас от выслушивания этих недостойных слухов и умейте уважать знатную девицу…

Он вдруг остановился, заметив, что дядя украдкой наблюдает за ним, и потупил глаза.

– Повторяю вам, – смиренно возразила мадам Ришар, – что я лишь пересказываю толки, которые ходят в наших краях. Я сама им совсем не верю. При всем этом мадемуазель де Баржак слывет добрейшею особой, щедрой

благотворительницей, прекрасной хозяйкой, умело распоряжающейся своим богатством. О ней говорят как о весьма благородной юной девице, упоминая только, что нрав у нее слишком уж горячий для женщины.

Приор не выказал ни удивления, ни гнева, узнав это не самое благоприятное мнение публики о богатой девушке, находящейся под опекой аббатства. Спокойно опорожнив свой стакан, он сказал:

– Довольно, дочь моя! Остерегайтесь повторять эти нелепые толки, потому что это значило бы грешить против христианской любви и справедливости. Всем известно, что мадемуазель де Баржак с детства была лишена необходимого для юной девицы воспитания. Ее отец был безрассудным охотником, и в старом замке, затерянном среди гор и лесов, она выросла, общаясь почти с одними мужчинами, никто не заботился о ее образовании, о воспитании ее сердца и ума, никто не подумал даже внушить ей самые простые понятия об обязанностях ее пола. Только в час смерти ее отец раскаялся в том, что пренебрег воспитанием дочери, и поручил нам присматривать за девушкой, направляя ее на путь света и добра. Эта обязанность была не легка. Кристина де Баржак, несмотря на свои чудесные душевные качества, привыкла к непослушанию, что доставляет нам много хлопот. Однако благодаря настойчивости наших усилий, благодаря преданности благочестивых и умных особ, которыми мы ее окружили, мы наконец восторжествуем над ее непокорным характером, над ее строптивостью, не подчиняющейся никаким правилам и никакому обузданию… Вот почему, дочь моя, надо быть снисходительным к ней; со временем, без сомнения, она сделается кроткой и скромной женщиной, какой предписывают ей быть наши общественные устои…

Мадам Ришар выслушала эти наставления с выражением покорности на лице. Пока она старательно просила прощения за излишнюю смелость своих слов, несколько путешествующих верхом остановились перед воротами гостиницы. В ту же минуту прибежала запыхавшаяся служанка и шепнула несколько слов хозяйке, которая тут же побледнела.

– Святая Дева! – с испугом прошептала трактирщица. – Что он скажет? А я и забыла о нем!..

Она тотчас вышла со служанкой, очевидно, для того чтобы принять новых посетителей.

Скоро в первой комнате раздался звук шпор, потом послышался звучный поцелуй и мужской голос, говоривший по-французски:

– Да, это я, моя красоточка… Черт побери! Разве мои слуги, проехавшие здесь сегодня утром, не уведомили тебя о моем приезде? Все ли у тебя готово?

– Извините меня, барон, я вас уже не ждала, – отвечала трактирщица, смущаясь. – Я все приготовила для вашего приема, но…

– Хорошо, хорошо! Вы знаете, моя красавица, что для меня довольно малейшей безделицы, приготовленной вашими белыми ручками… Прикажите подать что-нибудь перекусить моим охотникам, а в маленькую гостиную пусть мне подадут яичницу с форелью и бутылку вина. А вы, моя красоточка, посидите со мной, потому что ваше свеженькое личико возбуждает аппетит и веселость.

В это время тот, кто говорил, хотел войти в гостиную, но его остановили.

– Барон, – продолжала трактирщица, чуть не плача, – я же вам сказала, что я вас уже не ждала. Другие путешественники…

– А! У вас здесь есть другие путешественники? Очень хорошо; я могу договориться с ними, если только это дворяне и добрые малые.

И, отворив дверь, незнакомец вошел в комнату, где находились приор Бонавантюр и Леонс.

Этот бесцеремонный господин был хорош собой: лет тридцати, крепкого сложения, надменной наружности, с лихо закрученными усами и дерзкими манерами. На нем был богатый мундир начальника волчьей ловли из голубого бархата с серебряными галунами, белые панталоны, высокие сапоги, парик и треугольная шляпа. Охотничий нож, эфес которого был из чеканного серебра, дополнял этот костюм. Мужчина держал в руке хлыст и размахивал им с такой уверенностью, как будто был готов употребить его против всех.

Барон Ларош-Боассо – так звали этого господина – был, как мы сказали, одним из восьми баронов, имевших право заседать в Лангедокских или Жеводанских штатах. Фамилия его была младшей ветвью старинного дома Варина, угасшего

уже давно, но когда-то одного из самых знаменитых в провинции. Графы Варина в царствование последних Валуа приняли реформатскую религию и до отмены Нантского эдикта были начальниками протестантства в этой части Севеннских гор. В начале восемнадцатого столетия, во время восстания реформатов, прозванных камизарами, прадед барона Варина одержал несколько побед над маршалами Бервиком и Вилларо. Однако, побежденный в этой неравной борьбе, оставленный своими соратниками, гугенотский партизан вынужден был скрываться. Предание говорило, что он несколько лет жил в гроте, где умер мучеником своей веры. Местные жители показывают еще и ныне этот грот, замечательный своей обширностью и великолепными сталактитами; он называется грот Варина, по имени своего прежнего обитателя.

Но его потомки не были столь сильно привязаны к своим религиозным убеждениям. Испугавшись строгих законов, принятых вследствие мятежа, они для вида отказались от своей веры, чтобы сохранить имущество и политические привилегии. Только люди уверяли, что это отречение неискренно и что они остались гугенотами в глубине сердца. Отец теперешнего барона не отличался усердием к католицизму, а сам барон слыл скептиком и насмешником. Он выказывал большое пристрастие к новым идеям и по тогдашней моде хвастался безверием. Жизнь он вел сумасбродную, расточительную, роскошную, к великому ущербу его отцовского наследства, уже очень расстроенного, и подражал во всем той части знати, поведение которой вызывало народный гнев, вылившийся впоследствии в революцию.

Приор Бонавантюр давно знал барона Ларош-Боассо, охотничье искусство которого заставило короля сделать его начальником волчьей охоты в Жеводанской провинции. Они несколько раз встречались на заседании штатов, где приор отличился своим благоразумием и умеренностью, а барон – легкомыслием и вздорностью; из-за чего родилась неприязнь, еще более увеличиваемая обстоятельствами, о которых мы скоро узнаем. Однако то ли приор забыл в эту минуту все прошлые разногласия, то ли хотел просто сохранить видимость хороших отношений, но, заметив барона, он встал и вежливо ему поклонился. Леонс из уважения к своему дяде также поклонился, хотя и с видимым неудовольствием.

Барон де Ларош-Боассо не обратил внимания на эти знаки уважения. Он нахмурил брови. Без сомнения, он также узнал фронтенакского приора, но не счел нужным поздороваться с ним. Обернувшись к мадам Ришар, которая стояла позади него, он грубо сказал ей:

– Э! Черт побери! Красавица, я начинаю понимать ваше смущение. Вы отдали мой завтрак этим бенедиктинцам!

Вдова рассыпалась в извинениях и сетованиях; слава богу, но в провизии у нее не было недостатка! Она могла еще предложить барону стол, достойный его. Только яичница с форелью, приготовленная для барона…

– Пришлась по вкусу этим добрым бенедиктинцам, – окончил Ларош-Боассо. – Вы отдали предпочтение им. Чудесно, моя прелестная хозяйка! Но если бы они были дворяне, а не обитатели монастыря, я мог бы потревожить их трапезу, уверяю вас! И это бы не особенно их обрадовало!

Эта угроза вызвала гневный румянец на лице Леонса, но взгляда дяди было достаточно, чтобы заставить его тотчас опустить глаза. Приор Бонавантюр, до сих пор сидевший спокойно и с улыбкой, наконец заговорил:

– Успокойтесь, барон, – сказал он с несколько иронической вежливостью, – будьте снисходительны к этой женщине. Вам уже сказали, что яичница с форелью не единственное кушанье в этом доме, и, если верить некоторым слухам, вам ничто не помешает отдать должное окорокам и холодной дичи, которые вам могут подать здесь в день поста.

Этот намек на тайное верование его семьи, по-видимому, должен был бы довести до последней крайности раздражение барона, однако он сдержал свой гнев и, громко расхохотавшись, сказал хозяйке:

– Бедная Ришар, как вы сконфузились!.. Что ж, давайте забудем об этом! Я охотник и, следовательно, непривередлив в своих вкусах… Принесите мне что хотите, моя красавица, только бы мне не долго ждать, потому что я тороплюсь.

Трактирщица, обрадовавшись такому повороту, убежала, объявив, что барону сейчас подадут ужин. Он же, бросив на стул шляпу и хлыст, занял ту сторону стола, которая оставалась пустой, между тем как приор Бонавантюр и Леонс принялись заканчивать свой завтрак.

III Объявление войны

Наступила минута неловкого молчания. Очевидно, барон де Ларош-Боассо испытывал теперь сильное желание поговорить с приором и его племянником, но гордость мешала ему начать разговор. Со своей стороны приор, угадывая это намерение, нарочно держался в оборонительном положении. Барон, скрестив ноги, начал барабанить по столу и наконец резко спросил:

– Надеюсь, преподобный отец, что вы не сердитесь на меня за мою недавнюю запальчивость. Ничто так не располагает к досаде, как пустой желудок. Виновата во всем наша ветреная хозяйка, которая безо всякого стыда отдала вам завтрак, приготовленный для меня.

Приор, спокойно очищая грушу, отвечал, что он не знал этого обстоятельства, но в любом случае он, как добрый христианин, извиняет гнев барона.

– Я очень этому рад, преподобный отец! Хотя существуют некоторые другие причины, располагающие нас к взаимной неприязни, я был бы рад, если бы эта встреча помогла нам покончить со старой враждой… Каково ваше мнение на этот счет, господин приор?

Бонавантюр отвечал с прежней флегмой и прежним смирением, что он всегда готов сделать все возможное, чтобы заслужить расположение барона. Тот казался не очень доволен этими неопределенными и осторожными словами. Он отложил объяснение, которое собирался было начать, и рассеянно спросил:

– Конечно, вы едете в Меркоар к мадемуазель де Баржак?

– Да, барон; а вы?

– Вы это знаете, весь край это знает. Я, как храбрый паладин, еду истреблять чудовище, опустошающее земли прелестной владетельницы замка.

– А как вы думаете, барон, – спросил приор с заметным интересом, – сможете ли вы справиться с этим свирепым зверем?

– Я в этом уверен, – отвечал Ларош-Боассо с самоуверенностью охотника. – Этот волк, по последним известиям, укрылся в Меркоарском лесу. Завтра он будет

окружен, выгнан и убит. Можете положиться на меня.

– Очень хорошо, но это будет завтра, а сегодня могут ли мирные путешественники, по вашему мнению, проехать через лес без риска для жизни?

На этот раз в словах приора можно было заметить такой страх, что барон не смог устоять от лукавого желания немного напугать его.

– Гм! – сказал он холодно. – Это зверь колоссальной величины и неимоверной мощи… Его надо остерегаться! Тем более столь беззащитным путникам, как вы и ваш племянник…

Приор застонал и взглянул на своего племянника, который остался спокоен. В эту минуту вошла мадам Ришар со своими служанками, которые несли завтрак барону, и разговаривать стало невозможно. Но скоро Ларош-Боассо, с нетерпением желая продолжать разговор, отпустил хозяйку и служанок, сухо уверив, что ему ничего не нужно. Приор, пугаясь все более по мере того, как приближался час отъезда, продолжал ласковым тоном:

– Так как мы тоже едем в Меркоар, барон, не можете ли вы оказать нам честь ехать вместе с вами? Ваша доблесть известна, притом у вас есть конвой, состоящий из вооруженных людей. Позвольте нам ехать вместе с вами, и, конечно, мадемуазель де Баржак, находящаяся под нашей опекой, будет вам признательна за ваше одолжение.

Эта прямая просьба, казалось, стоила приору некоторых усилий, но барон не очень-то спешил принять предложение, он заговорил о необходимости двигаться очень быстро, поскольку в тот же вечер он должен заняться разными приготовлениями к завтрашней охоте.

– Лошаки наши не дурны, – возразил приор, тайные опасения еще больше тревожили его, и он приложил все усилия к тому, чтобы убедить барона. – И ваши лошади не смогут идти слишком быстро по здешним горным дорогам. Право, великодушно ли с вашей стороны отказывать нам в сопровождении, которое вам так мало будет стоить?

Ларош-Боассо улыбнулся. Он разом выпил несколько стаканов вина, глаза его блестели весело, и он продолжил беседу более дружелюбным тоном:

– Может быть, я буду готов услужить вам, господин приор, но по крайней мере сперва мне надо узнать, друзья вы мне или враги.

– Ваши враги, барон? У вас нет врагов среди фронтенекских братьев!

– Но есть ли у меня среди них друзья, это другой вопрос, не так ли, достойный приор?.. Будем откровенны, и если случай, или, по-вашему, провидение, свело нас здесь, поспешим воспользоваться оба этим благоприятным обстоятельством. Я думаю, – продолжал Ларош-Боассо, обернувшись к Леонсу, – что я могу свободно говорить в присутствии этого молодого человека.

– Это мой племянник, – поспешно отвечал бенедиктинец, – мой секретарь, мой поверенный, мой alter ego.

– Прекрасно. Впрочем, я не имею привычки делать тайну из своих намерений… Послушайте и будьте откровенны со мной. Вы не забыли, преподобный отец, мой спор с вашим аббатством и с вами, главой монастыря, человеком, обладающим всей полнотой власти?

– Со мной, барон?

– Не перебивайте меня, пожалуйста… Это неприятности старинные, перешедшие ко мне по наследству. Я знаю, что на меня смотрят как на легкомысленного человека, думающего только о том, как вести жизнь веселую и беззаботную. Воображают, будто я неспособен к размышлению; полагают, что я равнодушен к интересам и достоинству своего имени. Скоро, может быть, заметят, что это несправедливо. Какими бы ни были препятствия, я сумею их разрушить, если кто-то будет иметь неблагоразумие вывести меня из терпения!

Говоря таким образом, он нахмурил брови и грозно сжал кулаки; но Бонавантюр оставался бесстрастен. Барон продолжал более спокойным тоном:

– Если хотите, преподобный отец, мы начнем с событий, случившихся восемнадцать лет назад. Отец мой тогда был жив, как и мой дядя, граф де Варина, владелец великолепного поместья, лучшего, как мне кажется, во всей провинции. Я должен признаться, что между моим отцом, бароном де Ларош-Боассо и его старшим братом, графом де Варина, никогда не было теплых

чувств. Отец мой был, как и я, веселый дворянин, не очень-то сберегавший свое состояние, любивший удовольствия и хороший стол. Варина, напротив, имел мрачный и болезненный характер, меланхолический темперамент; а в последние годы своей жизни сделался скрягой и ханжой. После смерти своей жены он оставил свое поместье и проводил все время в Фронтенакском аббатстве, где, как говорят, вы, преподобный отец, тогда еще простой монах, имели большое влияние на его ослабевший ум. Хотя отношения братьев никогда не были по-настоящему родственными, но при каждой встрече они общались с той учтивостью, которую близкие родственники в благородном семействе обязаны проявлять друг к другу. Ведь ни отец мой, ни я не могли предполагать, что нам когда-нибудь могло достаться наследство графа. У него был трехлетний сын, которого звали кавалером де Варина и который должен был после него наследовать его имя и поместье. Но этот ребенок умер, и менее чем через полгода после этого сам граф скончался в Фронтенакском аббатстве. Узнав об этом печальном событии, мой отец, несмотря на холодность, существовавшую между ним и его братом, почувствовал великую скорбь и поспешил в аббатство, чтобы отдать графу последний долг. Потом он хотел предъявить свои права на фамильное имение, достававшееся ему, как ближайшему родственнику и законному наследнику покойного графа. Но каково было его негодование, когда ему показали завещание, по которому дядя отдавал Фронтенакскому аббатству свои земли и свои замки! Это была возмутительная несправедливость, очевидно, за этим поступком скрывались обман и хитрость. Вы воспользовались слабостью ума графа в последние минуты его жизни, чтобы ограбить его родных, а может быть, употребили лукавство и насилие, чтобы он совершил столь безрассудный поступок. Отец мой, человек горячий и вспыльчивый, рассердился и очень грубо обошелся с вашим аббатом и капитулом, потом уехал из Фронтенака, клянясь, что обратится к правосудию. Действительно, он затеял процесс в бордоском суде, чтобы добиться уничтожения этого нелепого завещания, но тут обнаружилось то влияние, которым пользовались бенедиктинцы в нашей провинции. Дело фронтенакского аббата стало делом всего духовенства; знатные духовные особы, даже епископы, заступились за него. Против нас подняли старинное обвинение в протестантстве, которое употребляется всякий раз, едва мы хотим предъявить наши права. Духовенство ожесточенно воевало с нами. А в особенности вы, преподобный отец, если я хорошо помню, потому что тогда был очень молод. Вы были самым деятельным, самым умным агентом в деле вашего аббатства; благодаря вашим усилиям просьбе моего отца было отказано, он был осужден на уплату значительных судебных издержек, а монастырю оставили наше фамильное имение. Скажите, преподобный отец, верно ли описано это происшествие?

Глухая ненависть, злобные намеки, заключавшиеся в этом рассказе, не смутили приора, он выслушал барона, спокойно улыбаясь.

– Факты, если не оценка их, совершенно верны, барон, – отвечал он. – Не буду отрицать, что я лично участвовал в процессе барона де Ларош-Боассо, вашего отца, и я если поступил дурно, то Бог меня, несомненно, покарает. Только вы забыли упомянуть о небольшом обстоятельстве, которое может совершенно изменить сущность вопроса. Дарственная запись, сделанная вашим покойным дядей, неокончательна; она действует лишь некоторое время. Вторая часть завещания графа де Варина хранится в архиве нашего монастыря, и по непременной воле завещателя эта часть завещания будет раскрыта после назначенного срока, который наступает через несколько месяцев. Итак только через несколько месяцев будет известна настоящая воля вашего родственника; а до тех пор вы не должны кого-либо обвинять в краже вашего имущества. С другой стороны, мы никогда не считали имение Варина принадлежащим нам; мы только благоразумно управляли им и возвратим его тому, кому следует, в тот день, когда окончательное завещание предпишет нам наш долг.

– Эта вторая часть завещания – только недостойная хитрость! – запальчиво вскричал барон. – Я знаю, что она не изменит смысла первого завещания. Я знаю, отец приор, хитрые уловки, прибегая к которым, ваша община хочет присвоить поместье Варина. Боясь, без сомнения, чтобы дарственная на это богатое поместье не возбудила общего негодования, вы постарались избежать этого, выиграв время. А там, когда общественное мнение смирится с этим постыдным грабежом, просто потихоньку вступить во владение имуществом. Пока эта вторая часть завещания не вступила в силу, вы вполне владеете именьем моего дяди, притворно утверждая при этом, что только храните его как залог. Почти восемнадцать лет вы получаете прибыль от этих земель, и, я полагаю, намерены получать ее и впредь. Вы надеетесь, что все уже забыли о том, как вы завладели этим имением, и далее вы сможете столь же безнаказанно им распоряжаться. Но этого не будет, господин приор; заверяю вас, что я возвращусь к этому старинному делу, как только представится случай. Отец мой умер разоренный бесконечными тяжбами, но я еще жив и сумею потребовать то, что полагается мне по закону. Настанет минута, когда вторая часть завещания будет распечатана, и если она удовлетворит вашим хитростям, вы можете быть уверены, что я не приму этого безропотно.

Времена переменились; век идет вперед, католическое духовенство не имеет уже прежнего неограниченного владычества. Поговаривают, что скоро из

Франции прогонят самую богатую, самую могущественную из ваших религиозных корпораций, иезуитскую. Благодаря успехам просвещения ветер начинает обращаться против вас. Берегитесь! На этот раз вашего влияния может быть уже недостаточно, чтобы дать восторжествовать беззаконию, – Ларош-Боассо сказал это с пафосом и гордостью, видимо, он был глубоко уязвлен нанесенным монастырем оскорблением. Молодой человек, облокотившись о стол, смотрел на дядю с искренним удивлением. Леонс не мог поверить в те недостойные поступки, в которых обвиняли фронтенакскую общину, и ожидал, что приор докажет барону его неправоту. Но Бонавантюр продолжал оставаться бесстрастным; он улыбался, аккуратно расправляя складки своей бенедиктинской рясы.

– Вам недолго придется ждать случая, которого вы ищите, барон. Я уже вам говорил, что время, назначенное для распечатывания второй части завещания вашего дяди, скоро настанет. Тогда вы будете действовать, чтобы отстоять ваши интересы, которые считаете единственно верными и справедливыми, а фронтенакское аббатство заставит вас уважать волю графа Варина, какова бы она ни была.

Твердость приора было трудно поколебать, барон понял это и потому продолжал уже гораздо спокойнее:

– Не будем заходить слишком далеко, преподобный отец; я все же надеюсь, что не дойду до крайностей. Я начал разговор об этом споре только для того, чтобы напомнить вам о той несправедливости, которую учинила мне ваша обитель, а также для того, чтобы вы поняли, что я намерен бороться за свои права. Но я хочу, чтобы вы знали, что я могу отказаться от своих прав, если аббатство возместит мне тот ущерб, который уже успело нанести.

– Я вас не понимаю, барон.

– Я думаю, приор, что вы понимаете меня очень хорошо. Вследствие процесса, который мы вели против вашего аббатства, мое состояние – это всем известно – весьма расстроено. Земли мои заложены, долги только растут. Я вижу только два способа выйти из этого тягостного положения: или я воспользуюсь обстоятельствами, чтобы потребовать во что бы то ни стало поместье Варина, которое вы у меня отняли, или поправлю мое состояние выгодным супружеством. В этом-то, преподобный отец, я и хотел бы попросить вашего содействия. Понимаете ли вы меня наконец?

– Боюсь, что нет, – приор изобразил на своем лице недоумение.

– Рассуждая о воле моего покойного дяди, вы, приор, демонстрируете куда большую проницательность, – сердито произнес Ларош-Боассо. – Хорошо, я выражусь яснее. Ваше аббатство, так охотно принимающее богатые наследства, показывает также особенную заботу о богатых наследницах. У вас теперь под опекой одна богатая девица, о которой вы заботитесь со свойственным вам прилежанием. Вы окружили ее шпионами, вы следите за всеми ее поступками и стремитесь к тому, чтобы тот, кто вам не по душе, не смел и на пушечный выстрел приблизиться к ней. Я не могу понять цели интриг, которыми окружена Кристина де Баржак, но думаю, однако, что из нее вы хотите сделать монахиню, чтобы наградить ее богатым поместьем какой-нибудь женский монастырь.

Бенедиктинец несколько минут терпеливо выслушивал довольно оскорбительные речи барона; наконец легкий румянец покрыл его щеки.

– Господин барон, – отвечал он слегка дрожащим голосом, – несмотря на мое желание оставаться в границах вежливости, я не могу далее сносить ваши оскорбительные выражения о святой обители, которой я служу. Итак, если вы хотите, чтобы этот разговор продолжался, прошу вас говорить с меньшей колкостью и с большей справедливостью. Фронтенакский аббат и капитул никогда не имели в мыслях склонить мадемуазель де Баржак к монастырской жизни, если только их питомица сама не выкажет желания посвятить свою жизнь Господу, что, честно говоря, маловероятно. Вы знаете – если в самом деле знакомы с нею – как нам трудно присматривать за этой упрямой и неуправляемой молодой девушкой, не слушающей никаких советов. Наши сестры урсулинки пробовали было обучать ее правилам поведения, но успехи этой девицы были весьма посредственны, и она вышла из монастыря через два года, почти сведя с ума бедных сестер своим непослушанием и непомерной живостью. После ее возвращения в замок Меркоар мы поместили возле нее доброго и честного дворянина и старую монахиню, терпение, преданность и высокая добродетель которой известны нам давно. И тот, и другая писали нам уже более двадцати раз, упрашивая снять с них данное им поручение. Вы видите, барон, что девушке такого характера мы едва ли можем навязать нашу волю. Если мадемуазель де Баржак намерена остаться в свете и выйти замуж, мы и не подумаем противоречить ее выбору… если только жених не будет недостоин ее и благородного дома, из которого она произошла.

– Правда ли это? – удивленно вскричал Ларош-Боассо. – Неужели вы не будете сопротивляться, если жених не понравится вам и другим сановникам из вашего аббатства? Предположим, что я решил бы усмирить эту маленькую львицу, что я смог бы произвести на нее благоприятное впечатление и был готов жениться на ней, несмотря на ее нрав, который едва ли уступает в свирепости самому жеводанскому зверю, тогда – отвечайте мне откровенно – не старались бы вы всеми средствами помешать подобному браку?

Этот прямой вопрос, казалось, очень смутил приора. Леонс, внимательно глядя на дядю, с нетерпением ждал его ответа.

– Неужели, – осторожно спросил Бонавантюр, – вы, барон, привлекли к себе особенное внимание мадемуазель де Баржак? Благородная девица была до сих пор непреклонна ко всем, кто осмеливался ухаживать за ней…

– Она, без сомнения, была бы такою же ко мне, если б я допустил ошибку и осыпал ее теми сентиментальными фразами, которых она терпеть не может. Нет, я никогда не говорил ей ни одного слова о любви; но в тех случаях, когда охота приводила меня в Меркоар, мадемуазель де Баржак предпочитала мое общество компании других дворян округа. Думаю, что это благоприятный признак, хотя, конечно, понимаю, что этого мало, чтобы делать какие-то выводы о сердечной склонности этой поистине необычной юной девицы. Поэтому мне хотелось бы знать, могу ли я рассчитывать на какую-либо помощь с вашей стороны или же, напротив, вы намерены всячески мешать моим планам.

– Я снова вынужден отвечать вам, что фронтенакские бенедиктинцы никому намеренно не вредят. Нам предписывается любить даже тех, кто творит нам зло.

– Бросьте вашу софистику, господин приор! Будете ли вы, например, отпираться, что ваше путешествие имеет своей целью уничтожить мои успехи в отношениях с мадемуазель де Баржак? Не узнали ли вы о том предпочтении, которое оказывает мне ваша питомица, и о моем скором прибытии в замок Меркоар, не для того ли отправились вы в дорогу, чтобы расстроить вашим присутствием все мои попытки сблизиться с этой девицей? Несмотря на вашу хитрость в поступках, преподобный отец, я все же доверяю вашей искренности в том, что касается ваших намерений; отвечайте мне просто: прав я или нет.

Принуждаемый таким образом, Бонавантюр не мог уклониться от ответа.

– Не отпираюсь, – отвечал он, – мое присутствие в Меркоаре необходимо для того, чтобы остановить притязания женихов, которых богатство и красота мадемуазель де Баржак притягивают к ней беспрестанно. Мы исполняем отеческий долг по отношению к этой молодой девушке; можем ли мы оставить ее без покровительства и советов среди шумного общества, которое собирается в ее собственном доме?

– Очень хорошо, – сухо сказал барон и встал из-за стола. – Вот вы и высказались, преподобный отец. Итак, вы неблагоприятно смотрите на мои ухаживания за вашей питомицей и всеми силами будете сопротивляться моим намерениям?

– Я уже имел честь уверить вас, барон де Ларош-Боассо, что мадемуазель де Баржак совершенно свободна в своем выборе. Конечно, я не могу не воспользоваться своим правом давать ей советы…

– Все лучше и лучше! – перебил барон с иронией, прохаживаясь по комнате большими шагами и бренча своими серебряными шпорами. – К несчастью для вас, преподобный отец, уверяют, что ваши увещевания эта непослушная девушка не очень-то принимает к сведению. Но назовите же мне причину вашего предубеждения против моей кандидатуры на звание супруга этой девицы.

– Прекратите, барон, – вскричал Бонавантюр, выведенный из терпения этой настойчивостью. – Нужно ли искать другие причины, кроме вашей беспорядочной жизни, вашего весьма оскудевшего состояния и в особенности вашей тайной привязанности к протестантской ереси?

– Мое разорение, между прочим, дело ваших рук, – энергично возразил Ларош-Боассо. – А жизнь моя такова, как жизнь всех дворян, в этом отношении меня нельзя упрекнуть в злоупотреблениях более чем кого-либо другого. Что же касается того старого обвинения в протестантстве, которое беспрестанно бросают мне в лицо, как когда-то бросали в лицо моим предкам и даже набожному католику графу де Варина, я мог бы спросить, на чем оно основано, и доказать его несостоятельность. Впрочем, давайте предположим, что оно справедливо, что же тогда? Не лучше ли, преподобный отец, оставаться протестантом в глубине сердца, чем не иметь никакой религии, как множество других?

– А разве с вами не так же, барон? – строго спросил бенедиктинец. – Уверяют, что ни та, ни другая церковь не видят в вас достойного прихожанина… Но перестанем говорить об этом, – остановил себя приор, – я не должен вмешиваться в дела вашей совести без особого на то приглашения. Бог будет судить всех нас!

Опять замолчали; барон продолжал прохаживаться по комнате; наконец он снова остановился перед приором.

– Итак, вы не принимаете способа, который я предлагал вам, чтобы восстановить вопиющую несправедливость? – спросил он со сдержанным гневом. – Я желал забыть прошлое и заключить с вами мир, залогом которого стала бы мадемуазель де Баржак; вы же предпочитаете войну. Хорошо, вы ее получите – горячую, ожесточенную, кровопролитную. Клянусь вам! А для начала заявляю: я женюсь на вашей питомице! Хотя бы назло вам!

Приор отвечал на этот вызов улыбкой. Но Леонс, до этого безмолвный, если не равнодушный свидетель всего разговора, вскочил, будто повинуясь непреодолимому чувству:

– Как! Барон, вы уверены, что мадемуазель де Баржак… Разве она вас любит? Из того, что вы сказали, никак нельзя сделать такой вывод!

Ларош-Боассо обернулся. Сам приор казался изумленным и раздраженным смелостью своего племянника.

– Что это с вами сделалось, дружок? – спросил барон, насмешливо разглядывая юношу с ног до головы. – Разве этими делами занимаются в обителях? Такие вещи вы и знать не должны. Лучше прочитайте ваш служебник! Без сомнения, господин приор наложит на вас епитимью за то, что вы без позволения вмешались в мирской разговор.

– Милостивый государь, – возразил Леонс, – я не принадлежу к духовному сословию; я такой же мирянин, как и вы, и не допущу… – тут он замолчал, как бы испугавшись своей смелости.

– Чего вы не допустите, мой милый юноша? – спросил Ларош-Боассо с оскорбительной иронией. – Чтоб мадемуазель де Баржак предпочла меня прочим

претендентам на свою руку? Я не вижу, каким образом это обстоятельство вас касается и как вы можете не допустить этого.

– Я не то имел в виду, – смущенно произнес Леонс, в котором гнев боролся с замешательством. – Я хочу сказать, что оскорбительные выражения, в которых вы говорили о моем почтенном дяде и об уважаемых фронтенакских бенедиктинцах…

– Ах, прелестное дитя, вы намерены сделаться защитником этих бенедиктицев и, быть может, вызвать меня на поединок за мои суждения о них? Это прекрасно, потому что я не расположен отказываться от моих слов и раскаиваться… Я скажу всем и каждому, что фронтенакские бенедиктинцы, все без исключения лицемеры, интриганы и охотники за чужими деньгами, что они отняли у меня наследство и что надеются, без сомнения, употребить опекаемую ими мадемуазель де Баржак как орудие для приобретения новых богатств и нового влияния. Но я буду бодрствовать, я сумею расстроить их коварные планы. Я люблю мадемуазель де Баржак и, может быть, любим ею; мы увидим, кто осмелится пойти наперекор моим намерениям!

– Вы любите ее? – вскричал Леонс со сверкающими глазами. – Как же вы ее любите, когда позволяете себе сравнивать ее с жеводанским чудовищем? Впрочем, вы сами скорее напоминаете его!

– Я вижу, мой добрый молодой человек, что вам внушили, что люди, подобные мне, преступны и бессердечны. Может, отчасти это и так. Но, кто бы что ни говорил, а я люблю эту девушку. Она та еще чертовка, но это не значит, что меня не восхищают ее гордость и мужество, которые столь редко встречаются в женщинах. С ней не соскучишься, но это и делает общение особенно увлекательным. Но, черт меня побери, – перебил он себя, – вам-то какое до этого дело? Сам не знаю, зачем отвечаю на нескромные вопросы этого излишне любопытного ребенка…

– Милостивый государь! – вскричал Леонс угрожающим тоном. – Я не могу более сносить ваших дерзостей и…

– Что же вы сделаете, мой храбрый рыцарь? – ответил Ларош-Боассо, громко расхохотавшись. – Вызовете меня на дуэль? Это было бы мило! Я к вашим услугам. Ну, обнажайте шпагу… Я готов принять ваш вызов…

Он встал в позицию и сделал вид, будто парирует своим хлыстом мнимые удары.

– Почему же вы не выходите? – продолжал он, продолжая смеяться. – Но что это? Вы, кажется, забыли вашу рапиру, пылкий рыцарь ризницы… Куда же девалось ваше оружие?

– Но я могу по крайней мере сражаться с вами тем оружием, что выбрали вы сами! – вскричал Леонс, придя в совершенную ярость.

Тут он схватил свой хлыст, лежавший на стуле, и, держа его в руке, подбежал к барону.

Во время этого жаркого спора приор сохранял совершенное спокойствие, точно хотел увидеть, до каких пор дойдет негодование Леонса, измерить степень агрессивности этого молодого человека, которого он видел всегда столь спокойным и сдержанным. Судя по всему, это исследование давало благоприятный результат, потому что Бонавантюр улыбался при каждой реплике своего юного сподвижника; однако, когда он увидел, что оба противника готовы начать драку, он вскочил и встал между ними с проворством, вовсе ему не свойственным.

– Полно, Леонс! Стыдитесь! Неужели вы принимаете эти чудовищные правила дуэлей! Разве ваш рассудок и религиозность позволяют подобные распри? А вы, барон, – обратился он к Ларош-Боассо, стоявшему в оборонительном положении. – Неужели вы не краснея позволяете себе вызвать на дуэль этого неблагоразумного юношу?

После первых слов дяди Леонс, стыдясь своей вспыльчивости, положил хлыст и вернулся на свое место. Он сел и виновато потупился, избегая смотреть на приора и барона. Последний же слегка изменился в лице, но продолжал небрежным тоном:

– Черт вас возьми, но на этот раз вы правы, господин приор, я не должен был обращать внимания на оскорбления вашего племянника. Однако, – прибавил он с презрительным превосходством, – молодой человек пылок; может быть, им нелегко будет управлять, когда у него покажется борода… Но оставим это, время проходит, я должен отправиться в путь… А так как вы отвергли мое предложение примириться, каждый из нас будет действовать по своему

усмотрению, и победа останется за более сильным или более хитрым.

Он отворил дверь кухни и закричал:

– На лошадей, мои люди… Все на лошадей!

В первой комнате началась большая суматоха, там спешили повиноваться приказаниям господина.

– Итак, барон, – спросил приор со смирением, вовсе не похожим на его прежнюю твердость. – Вы не позволите нам воспользоваться вашим конвоем, чтобы благополучно доехать до Меркоара? Несмотря на несогласия, существующие между нами, я не сомневаюсь, что вы впоследствии очень огорчитесь если с нами приключится какое-нибудь несчастье…

– Вы считаете меня слишком великодушным и сострадательным, – насмешливо возразил Ларош-Боассо. – Ей-богу, если зверь растерзает вас, то он окажет мне недурную услугу. Из всего Фронтенакского аббатства вы один способны расстроить мои планы. Я должен больше всего бояться вашей проницательности, вашей бдительности, вашей неутомимой деятельности. Поэтому не стану же я сам пренебрегать благоприятной возможностью, предоставляющейся мне. Мы ведем войну, господин приор, и все способы хороши, чтобы получить победу… Притом, – прибавил он, взглянув на Леонса, все еще хмурого, – разве у вас нет бесстрашного защитника, способного справиться со знаменитым жеводанским зверем? Он защитит вас, пусть его пылкое мужество будет применено против волка, а не против дворянина… Сегодня вечером мы встретимся в замке Меркоар, куда я приеду цел и невредим… чего и вам желаю. Итак, прощайте!

Он надел шляпу и вышел, насвистывая охотничью песенку. Через несколько минут послышался топот удалявшихся лошадей.

Приор Бонавантюр, опасавшийся путешествия по лесу в темное время, тоже поспешил попросить прислугу оседлать лошаков; он надеялся следовать за бароном на небольшом расстоянии и таким образом находиться под его защитой вопреки его воле. Но такое множество путешественников произвело суматоху, и лошаки были еще не готовы. К тому же пришлось выслушать бесконечные извинения мадам Ришар за поведение барона и ее горестные сетования на то,

что этот недостойный человек, рассердившийся на нее, уехал, не расплатившись.

Было потеряно много времени, и когда Бонавантюр и Леонс выехали наконец из Лангони, они не увидели ни барона, ни его людей, уехавших к тому моменту уже очень далеко.

IV Нападение

Уже прошел целый час, как фронтенакский приор и его племянник выехали из Лангони, и, кроме довольно затруднительной дороги, ничто не мешало их путешествию. Правда, несмотря на все свое внимание, с которым они вглядывались в горизонт, они так и не заметили всадников, уехавших прежде них, но иногда до них доносились звуки труб, и редкие прохожие, с которыми они встречались, уверяли их, что охотники впереди всего на четверть лье. Приор беспрестанно понукал своего лошака, надеясь при каждом повороте дороги заметить наконец вдали барона и его егерей. Леонс машинально подражал ему, но эти подстрекания никак не отражались на ходе неторопливых животных, так что, по всей вероятности, расстояние между двумя группами путешествующих не уменьшалось, а увеличивалось.

Наконец приор и его племянник доехали до высокой известковой площадки, обширного, невозделанного пространства, окруженного высокими горами. Долина эта была бесплодна, лишена зелени, там и сям только несколько каштанов, полуразбитых грозою, сила которой в этих местах бывает ужасна, своими желтеющими листьями скрашивали однообразие серой почвы. Площадка кончалась лесистым ущельем, через которое проходила дорога; но охотников на ней не было видно.

Впрочем, дорога не представляла никаких затруднений: внезапное нападение дикий зверей на ней было невозможно, так как все пространство было открыто взору и спрятаться хищнику было решительно негде. Погода стояла хорошая, солнце было еще высоко над горизонтом – в общем, страх приора слегка поулегся, так как они вполне могли успеть в замок до наступления темноты. Поэтому святой отец наконец-то перестал ежеминутно понукать своего лошака, который уже устал, правда, не от быстрого бега, а от неустанного

сопротивления своему седоку. И тут приор решил поговорить с племянником, который с тех пор как они выехали из города не проронил ни слова. Юноша казался погруженным в свои размышления. Ширина дороги позволяла ему ехать рядом с приором, но он не погонял лошака, а потому постоянно отставал.

– Я думаю, дитя мое, – сказал приор, – что нам не надо стремится догнать этого гордого дворянина… Может быть, нам надо было взять в Лангони провожатых, но мы уехали в такой спешке… Да и неизвестно, вызвался бы кто-нибудь нас проводить, ведь люди напуганы этими россказнями о жеводанском звере… Мы теперь только в двух лье от замка, остается час езды. Но дорога и пойдет гораздо хуже… – Приор с озабоченным видом указал на ущелье, оканчивавшее долину.

Леонс лишь рассеянно кивнул. По характеру он был скромен и не любил навязывать свое общение другим людям, но сегодняшняя его молчаливость объяснялась иными причинами. Приор заметил эту странную задумчивость и не мог не поинтересоваться ее причинами:

– Что с вами, милый Леонс? – спросил он дружеским тоном, в этот момент оба лошака шли рядом. – Не больны ли вы или, может быть, также боитесь этого проклятого зверя и от которого да сохранит нас Бог?

– Ни то, ни другое, дядюшка; я только думал…

– О чем же, дитя мое?

– Ни о чем, мой преподобный отец.

И юноша глубоко вздохнул. Бонавантюр наблюдал за ним украдкой.

– Леонс, – сказал он с важностью, – я должен и похвалить вас, и побранить: похвалить за благородный энтузиазм, с которым вы заступились за меня и за ваших покровителей, фронтенакских банедиктинцев; побранить за то, что вы вышли из себя до такой степени, что вызвали на дуэль барона. Его грехи не извиняют вашей вспыльчивости.

– Как? – спросил Леонс с едва сдерживаемым возмущением. – Неужели мне надо было спокойно выслушивать дерзкие речи Ларош-Боассо? Неужели надо было молча терпеть его хвастливую клевету о мадемуазель де Баржак?

– Какое вам дело до мадемуазель де Баржак, мой милый?

Леонс наклонился вперед, для того чтобы подтянуть подпругу, но приор все равно смог заметить, как заалели щеки юноши.

– Дядюшка, – залепетал племянник, – я думал… мадемуазель де Баржак находится под опекою аббатства, то есть вашей; мы будем гостями в ее доме, неужели я должен был позволить говорить о ней с таким оскорбительным легкомыслием? Но признаюсь, – прибавил он, воодушевляясь, – каждое слово этого гнусного барона действовало на мой мозг, как пары опьяняющего напитка. Не знаю, какие неизвестные инстинкты открылись во мне; я чувствовал непреодолимое желание броситься на него и ударить его в лицо… Если б у меня была шпага, я напал бы на него тотчас, несмотря на ваше присутствие; но у меня не было шпаги, я не дворянин, я только смиренный и мирный воспитанник фронтенакских бенедиктинцев и должен был проглотить обиду…

В глазах Леонса блеснули слезы.

Приор казался не особенно удивленным этой внезапной вспышкой чувств; он, может быть, знал лучше самого племянника, что происходило в этой юной душе. Однако он продолжал со смесью кротости и строгости:

– Как, Леонс, вы плачете? Этого ли я должен ожидать от молодого человека, столь благоразумного и твердого в вере, от моего лучшего воспитанника и дорогого родственника? Откуда происходят эти безумные страсти, вдруг обнаружившиеся? Не говорил ли я вам сто раз, что разумные существа, созданные по образу и подобию Бога, не должны никогда прибегать к насилию, этому оружию зверей? Христианин должен обращаться к уму, к рассуждению! Не подражайте буйной молодежи нашего времени, и в особенности таким несдержанным личностям, как этот барон де Ларош-Боассо, всегда готовый противопоставить свою шпагу рассудку, истине и справедливости. Если впоследствии, что, впрочем, невозможно, вы будете иметь преимущества дворянского звания и богатства, которые цените так высоко, вспомните, что гнев и ненависть – пороки постыдные, недостойные вас.

– Простите меня, дядюшка, за этот припадок слабости, – сказал Леонс, придавая своему голосу как можно большую твердость. – Я и сам не могу понять, как я мог увлечься… Но раз мы заговорили о моем положении в свете, позвольте мне наконец попросить объяснений, о которых уважение мешало мне расспрашивать до сих пор и которые, однако, необходимы для моего спокойствия.

– Вы выбрали не самое подходящее время для объяснения, – сказал бенедиктинец, осматриваясь вокруг. – Но если у вас есть что-нибудь на сердце, дитя мое, не медля расскажите об этом.

– Может быть, мой добрый дядюшка, я должен был раньше рассказать вам о состоянии моей души, ведь вы мой наставник и лучший друг. С некоторого времени мрачная грусть овладела мной; мечты о почестях, удовольствиях и мирской славе преследуют меня день и ночь. Это беспокойство ума, которое иногда становится истинной тоской, имеет, без сомнения, причиной ту неизвестность, в которой я нахожусь относительно ожидающего меня будущего. Мысль моя блуждает в пустоте и заблуждается, не видя перед собой ясного пути… Выслушайте меня, мой дорогой родственник, и умоляю вас, не отвергайте просьбы, с которой я обращусь к вам. Я рано лишился отца и матери, которых никогда не знал; но с детства был окружен заботой и любовью. Да благословит вас Бог, достойный мой дядюшка, за все те благодеяния, которые вы оказывали бедному сироте: вы приняли меня в ваше мирное монастырское убежище, вы развили мой ум, вы учили меня и словом и примером. Каждый из добрейших фронтенакских бенедиктинцев, ваших друзей и братьев, помогал вам в этом благородном деле; самые ученые и самые благоразумные старались передать мне свою науку и благоразумие. Поэтому я признателен каждому из них, я считаю себя вашим сыном и спрашиваю себя, буду ли иметь когда-нибудь силы оставить вас. Однако, преподобный отец, с некоторого времени, не знаю, случайно или умышленно, вы как будто употребляете все ваши усилия, чтобы отдалить меня от монастыря, где прошло мое детство; вы прерываете мои занятия, вы используете любой случай, чтобы вывести меня в свет. Вот сегодня, например, вы требуете, чтобы я присутствовал при этой большой охоте… Эти новые требования, новые обстоятельства и те переживания, что пробуждаются ими в моей душе, – вот причина того расстроенного состояния, в котором вы меня видите. Я понимаю, что не вполне владею собой – и то, что произошло между мной и бароном, только подтверждает мою неготовность к жизни в свете. Вы должны решить, достоин ли я того, чтобы жить без вашей опеки. Быть может, мне стоит удалиться от света?

Умоляю вас, мой добрый дядюшка и преподобный отец, позвольте мне вернуться в аббатство как можно скорее, надеть одежду послушника и постричься. Я желаю жить там и умереть среди друзей, которые были и будут всегда для меня дороги.

Бонавантюр, без сомнения, догадывался о том, что скажет его племянник, потому что не обнаружил никакого удивления. На его широком лбу собрались многочисленные морщины.

– Леонс, – спросил он с задумчивым видом. – Хорошо ли вы подумали? Искренно ли это стремление к монастырской жизни?

– Я… я так думаю.

– А я читаю вашу душу, как открытую книгу, и уверен в противном. Эти пылкие движения, о которых вы мне говорите, ясно доказывают, что вы родились не для монастыря. Неужели вы думаете, что под монастырским одеянием эта гордая душа, эта кипучая кровь, эти раздраженные нервы вдруг успокоятся? Поверьте, в этой одежде вы будете гореть, как Геракл в плаще, пропитанном кровью Несса. Притом, сын мой, причины, о которых вы узнаете после, запрещают вам монастырскую жизнь.

– Что вы говорите, дядюшка? – вскричал Леонс вне себя от удивления. – Неужели мне будет отказано в утешении, обещанном всем уязвленным душам?..

– Бросьте, Леонс, ваша душа не уязвлена, а если и так, то рана ее быстро затянется, в ваши лета душа и тело быстро заживают. Не расстраивайте меня: вы не можете и думать о пострижении, ни в Фронтенаке, ни в каком-либо другом монастыре… по крайней мере до тех пор, пока обстоятельства не переменятся и вы сами не поймете, какова цель вашей жизни.

Леонс был в смущении.

– Отец мой, – возразил он, – я буду терпеливо ждать, когда вы объясните мне этот странный отказ; но если вы прогоните меня прочь из монастыря, тогда какова же будет моя участь? Я всегда думал, видя, с каким старанием вы оберегали меня от волнений и бурь светской жизни, что ваше тайное желание – внушить мне отвращение к ней…

– Если так, дитя мое, преподобные фронтенакские отцы и я проявили слишком уж большую старательность. Нашим единственным желанием было сделать из вас человека образованного, гордого, честного христианина, который был бы образцом в обществе… Но, Леонс, – прибавил бенедиктинец с оттенком строгости, – я проник в истинную причину этого призвания к монастырской жизни, так внезапно открывшегося в вас. Эта причина – оскорбленная гордость, подавленное честолюбие… Вы видите, сколь блистателен свет и, как все молодые люди, чувствуете потребность играть в нем значительную роль, приобрести славу, испробовать все его радости. Но вас пугает ваше бессилие, вы говорите себе, что пути, ведущие к высокому общественному положению, закрыты перед вами, безродным плебеем, племянником простого монаха… Отвечайте откровенно, Леонс, правда ли это?

– Любезный дядюшка, можете ли вы думать…

– Может быть, есть и другие причины, – продолжал приор, бросив на племянника один из тех взглядов, которые как будто доходили до глубины души молодого человека. – Но причина, указанная мною, бесспорно, самая главная. Леонс, я не хочу, чтобы вы питали неразумные надежды, но знайте, что шанс удовлетворить ваше честолюбие вам непременно предоставится. Конечно, я имею в виду умеренное честолюбие, соответствующее вашему сословию. Доверяйте мне, но прежде всего себе – смело идите вперед, опираясь на здравый смысл. Бог сделает остальное. – Так как эти слова, несмотря на сдержанность, сопровождавшую их, могли произвести слишком сильное впечатление на его племянника, приор прибавил: – Еще раз повторю, Леонс, не позволяйте вашим мыслям неблагоразумно стремиться за нелепыми химерами и постарайтесь понять меня… Я умер для света и мне нечего больше искать на земле. Но вы мой воспитанник, мой друг, мой приемный сын; вы росли на моих глазах; я сам развил в вас ваши добрые наклонности; я знаю, что в вашем сердце достаточно добрых качеств, чтобы противостоять натиску света. Честолюбие, которого не имею для себя, я имею для вас. Я разработал немало планов для вашего земного счастья, для вашего возвышения, и этим планам фронтенакские бенедиктинцы, которые вас горячо любят, будут помогать всем своим влиянием. Наши усилия, наша энергия, наш вес будут употреблены для того, чтобы устроить вам славную и счастливую участь!

Но эти уверения возбудили в Леонсе какую-то недоверчивость, и вместо того чтобы поблагодарить дядю, он оставался во власти своих мрачных мыслей, а взгляд его ничуть не повеселел.

– Мне приятно было бы узнать, – сказал он наконец, – что планы, о которых идет речь, не могут подать повод к неприятным толкам и что эти интриги, в которых барон де Ларош-Боассо обвинял фронтенакских бенедиктинцев…

– А вот и действие ядовитых слов этого барона, – перебил его с горестным удивлением приор Бонавантюр, – но вам ли, Леонс, обращать против ваших друзей и благодетелей эту ядовитую стрелу?

В тоне приора было столько упрека, что Леонс тут же залился краской и принялся просить прощения, чуть не плача от стыда.

– Простите меня, дорогой дядюшка! – говорил он. – Я просто… Просто совсем растерялся и запутался… Мне кажется, что я сбился с пути и Господь оставил меня!

Искренность этой горести тронула приора.

– Я охотно извиняю вас, – ответил он, улыбнувшись. – Леонс, мальчик мой, неужели вы думаете, что я не угадываю причины этой странной перемены в расположении вашего духа, когда-то столь спокойного и ровного, причины этой угрюмой печали и этой вспыльчивости, которая вдруг разразилась, как буря, в вашей душе… Но сейчас не время для рассуждения о подобных предметах… Мы в другой раз поговорим об этом… Нам надо продолжать путешествие!

Они несколько минут продолжали путь в молчании.

– Дитя мое, – вскоре начал бенедиктинец благосклонным тоном, – хотя я простил ваш поступок, я хочу наложить на вас наказание… Мы встретим в Меркоаре барона де Ларош-Боассо, и я был бы рад, если б вы избегали новых споров с ним. Я имею свои причины желать, чтобы между вами не было ни ненависти, ни гнева, и вы, конечно, впоследствии раскаетесь, если не последуете моим советам… Ну, Леонс, что вы на это скажете?

– Я могу оставить без внимания оскорбления, обращенные ко мне, дядюшка; но должен ли я позволить ему оскорблять в моем присутствии вас и других особ, к которым я питаю привязанность и уважение?

– Поверьте, из этих особ каждая сама сможет постоять за себя. Мне же от вас нужно обещание ни при каких обстоятельствах не вступать в конфликт с бароном, и если вы исполните это обещание, я буду уверен, что вы действительно сожалеете о той вспышке гнева, свидетелем которой я стал.

– Хорошо, дядюшка, я даю вам это обещание; но, Боже мой, какому испытанию вы подвергаете меня!

– Испытанию? Леонс, я вас не понимаю.

– Я едва ли понимаю себя сам… В моей голове – хаос, где все сталкивается и путается… Ах, дядюшка, мой добрый дядюшка, зачем вы потребовали, чтобы я ехал с вами в Меркоар?

– Во-первых, мой милый, потому что я не смог бы найти дорожного спутника более верного и более приятного, чем вы. С другой стороны, желая показать вам свет, в который вы должны вступить, я воспользовался этим благоприятным случаем, чтобы ввести вас в дом, где будет находиться избранное жеводанское дворянство. Наконец, у меня была еще одна причина: я заметил, любезный Леонс, что вы производите странное влияние на мадемуазель де Баржак. Эта в высшей степени дерзкая барышня при вас каким-то чудом обретает некоторую робость и скромность, приличные женщине хорошего происхождения. Возможно, ваш спокойный характер, ваша рассудительность и мягкость благотворно влияют на эту надменную, пылкую и независимую натуру. Это впечатление обнаружилось несколько лет тому назад. Помните, Леонс, наше первое посещение мадемуазель де Баржак в монастыре урсулинок? Уже шесть месяцев непослушная пансионерка жила в монастыре, а бедные монахини все еще не могли толком научить ее азбуке; она рвала свое шитье и вышивание, бранила своих наставниц. Она вошла в приемную с растрепанными волосами, в разорванном платье, эдакий взбунтовавшийся, но еще не упавший с небес ангел. Она равнодушно выслушала мои увещевания и хранила сердитое молчание. Придя в отчаяние от этого непослушания, я решил поговорить с настоятельницей, а вы тем временем подошли к Кристине де Баржак. Вы сами были дитя и, по-видимому, поэтому лучше меня поняли, что творилось в душе у этой строптивой девочки. Она слушала вас с удивлением, но внимательно. Мы не могли слышать ваш разговор, но не переставали наблюдать за вами.

На столе лежала книга; раскрыв ее наугад, вы начали объяснять внимательной ученице науку чтения.

Скоро она выхватила книгу из ваших рук, с минуту колебалась, начала читать вслух и запнулась, вы дали ей какие-то новые объяснения. Наконец она опять взяла книгу и на этот раз, о чудо, прочла без ошибок несколько строк. Чего наставницы не могли добиться за целых шесть месяцев, вы достигли в несколько минут… Я был вне себя от восторга, настоятельница плакала от радости, а сама ученица остолбенела от своего удивительного успеха.

– Это правда, дядюшка, это правда, – отвечал Леонс с волнением в голосе. – Она к тому моменту уже могла читать, лишь боялась ошибиться и из страха упрямилась. Но к чему вызывать подобные воспоминания?

– С того времени, – продолжал бенедиктинец, – я не раз мог наблюдать, как вы благотворно влияете на нее. При каждом посещении замка я замечал в ней перемены к лучшему, но это происходило лишь тогда, когда вы сопровождали меня. При вас она скромна, добра, сдерживает свой гнев, вспышкам которого подвержена, чем приводит в отчаяние свою прислугу и друзей. Скажу вам откровенно, любезный Леонс, я действую в интересах нашей питомицы, везя вас к ней. Неблагодарная девушка не всегда почтительна ко мне и другим фронтенакским бенедиктинцам, потому что наш долг – давать ей советы, порицать ее проступки и воспитывать ее характер. Но я был бы в отчаянии, если б при теперешних обстоятельствах мадемуазель де Баржак создала о себе неблагоприятное мнение. Вы слышали, какие неприятные слухи ходят о ней среди здешних жителей. Я надеялся, сын мой, что вы одним своим присутствием поможете мне держать нашу воспитанницу в границах строгих приличий. Ведь в замок прибудут многие знатные и влиятельные люди.

– Но вы, дядюшка, человек столь благоразумный и осторожный, – вдруг с болью произнес Леонс, – неужели вы никогда не подумали об опасности, которую представляют опыты для меня? Вы ошибаетесь: влияния, которое вы приписываете мне, не существует; обстоятельства, о которых вы говорите, не более чем действие случая. Быть может, ребенком я действительно имел на нее влияние, но теперь… Мадемуазель де Баржак – девушка знатная и богатая, ей ни к чему мои советы. Она всегда холодна со мной; видя меня, она чувствует лишь какое-то стеснение. Чтобы понравиться такой живой, пылкой девушке, надо походить на блистательного и легкомысленного барона де Ларош-Боассо, который так уверенно сейчас хвалился тем предпочтением, которое она ему оказывает… Я для нее ничего не значу, говорю вам, дядюшка! Заклинаю вас, не удерживайте меня долго в Меркоаре, и когда мы оставим замок, из сострадания ко мне позвольте мне никогда туда больше не возвращаться!

Было видно, что юноша не смог сдержать этого признания, вырвавшегося из сердца против его воли. Он впервые был охвачен столь сильным чувством, которое не поддавалось контролю и не слушалось доводов рассудка.

Конечно же, приору это признание было совершенно ненужно, так как он видел своего юного племянника насквозь. Он уже собирался обратиться к Леонсу с нравоучительной беседой, когда взгляд, брошенный им в сторону, придал его мыслям другое направление.

Путешественники подъехали к мрачному ущелью, углублявшемуся меж двух гор, покрытых деревьями до самых вершин. Дорога становилась трудной, неровной; огромные скалы едва давали место для проезда одного всадника. Солнце, опустившееся довольно низко, еще освещало вершины самых высоких утесов, но его свет уже не проникал в это глубокое ущелье, где начал сгущаться мрак. Так далеко, как только простиралось зрение, виднелись только деревья с темной зеленью; точно огромный, бесконечный лес покрывал холмы, долины и горы.

Эта внезапная перемена местности, дикий вид этой пустыни, да еще и уверенность в том, что в этих местах скрывается страшный жеводанский зверь, произвели сильное впечатление на дядю и племянника. Приор поэтому ответил слегка дрогнувшим голосом:

– Я мог бы сказать многое о словах, вырвавшихся у вас, дитя мое, но в эту минуту у меня недостает необходимой силы духа, и мы возобновим этот разговор позже. Сейчас мы приближаемся к тому месту, где еще вчера зверь растерзал несколько жертв… Давайте ехать молча и старайтесь держаться как можно ближе ко мне. Да защитят нас Бог и святая Дева Мария!

Леонс не разделял страха своего дяди; но сам был не прочь отложить объяснение, вызванное его внезапным порывом. Ему вообще хотелось бы, чтобы дядя позабыл о его словах, и юноша надеялся, что так и произойдет. Всякий человек бережет тайны своего сердца даже от тех, кто ему очень дорог.

Они ехали несколько минут очень быстро, но чем далее они двигались, тем более сгущалась вокруг них темнота. Лес состоял в основном из сосен, дубов и буков. Частые деревья с мощными кронами даже в полдень солнечного дня не позволили бы читать под их покровом, а в этот час глаз не мог ничего различить в их мрачной глубине; хворост и терновник высовывали на дорогу свои цепкие

руки, затрудняя путь. Путешественникам было известно, что лес пересекался многочисленными дорогами и что ошибка при настоящих обстоятельствах была бы небезопасна.

Сначала они обращали внимание на борозды, оставленные телегами, наверняка ехавшими в Меркоар; это был главный признак того, что они движутся по дороге в замок. Но скоро этот спасительный признак исчез, почва переменилась: сделалась сухой, каменистой и слишком жесткой для того, чтобы сохранять следы колес. Путники напрасно ждали появления какой-нибудь прогалины или возвышенности, любого предмета, знакомого их глазам, который позволил бы им удостовериться, что они едут в верном направлении. Но мрак покрывал все своим унылым однообразием, и оба всадника видели один другого как размытую фигуру, лишенную четких контуров.

Наконец они доехали до развилки, и Леонс остановил своего лошака. Приор, читавший молитвы, может быть, для того чтобы забыть свой тайный ужас, также удержал своего лошака.

– Дядюшка, – сказал молодой человек озадаченно, – я думал, что мы наконец доехали до креста святого Павла, но я ошибся… Мы, без сомнения, проехали крест, не заметив его… Вы знаете место, где мы находимся? Я не помню, чтобы бывал здесь раньше…

– И я также, дитя мое, – отвечал приор испуганным голосом. – Святая Дева, уж не заблудились ли мы?

– Похоже на то, дядюшка. В таком случае мне хотелось бы добраться до вершины горы. Там должно быть еще светло. Не пойти ли нам по этой дороге, которая, кажется, ведет на вершину Монадьерской горы? Если передо мной будет открытое пространство, я сумею отыскать замок.

– Поручаю себя вам, мой милый, – робко отвечал Бонавантюр. – Сознаюсь, что в эту минуту ваши советы будут лучше моих… Надеюсь, – прибавил он, пытаясь шутить, – что так будет не всегда.

Сам Леонс, казалось, еще раздумывал, когда среди тишины раздался отдаленный звук рога.

– Сюда, дядюшка, сюда, – вскричал Леонс. – Там есть люди! К тому же мы доберемся до горы и точно узнаем дорогу… Итак, в путь, не надо, чтобы ночь застигла нас в этой непроходимой чаще.

Приор бесстрастно повиновался; но ожидание Леонса было обмануто. Новая дорога сначала как будто поднималась вверх, но затем круто шла вниз, в ту лесистую глубину, которую они хотели обогнуть.

Заблудившиеся путешественники должны были опять остановиться, чтобы держать совет. Во время этой короткой остановки рог трубил снова, но на этот раз с противоположной стороны.

– Непонятно, – сказал бенедиктинец с беспокойством, – теперь этот звук раздался справа от нас, а ранее я слышал его как будто слева…

– В горах порой создаются странные акустические эффекты, – отвечал Леонс, задумавшись, – расположение местности и этот густой туман могут создавать необыкновенные иллюзии; человек, держащий рог, без сомнения, находится не там, где нам кажется. Мы слышим его то здесь, то там, а он, может быть, находится в двухстах шагах перед нами.

– В таком случае, дитя мое, почему бы не попробовать позвать его к нам на помощь?

– Попробуем, дядюшка.

Они громко крикнули несколько раз и замолчали, надеясь услышать ответ на свой призыв о помощи. Но крики их были как будто поглощены этой тяжелой, неподвижной темнотой. Отдаленное эхо, как бы играя, повторило отзвуки их голосов, и все смолкло.

Приор решительно отказался от власти, предоставляя своему молодому спутнику самому принимать решение, что им теперь делать.

– Куда же мы двинемся, Леонс? – спросил он.

– Право, дядюшка, я не знаю; мне кажется, однако, будто я вижу следы животных на земле. Может быть, эта дорога ведет к какому-нибудь жилищу… Будем продолжать путь…

– Хорошо, – сказал Бонавантюр, – какой бы путь не избрали мы, Господь видит его перед собой…

Эта настойчивость путешественников скоро получила свою награду. Дорога пошла в гору, а воздух стал не таким влажным. Хотя деревья все еще образовывали свод над головами всадников, однако становилось светлее, а звуки рога слышались ближе. Они начали уже думать, что вскоре выйдут из затруднительного и, может быть, даже опасного положения, в котором они находились, когда неожиданный случай превратил их неопределенные опасения в обоснованный страх.

Они неторопливо ехали в гору, когда из непроходимой чащи на некотором расстоянии от них раздался пронзительный вой. Лошаки остановились как вкопанные, подняв уши и дрожа всем телом, как делают робкие животные, чувствующие приближение хищного зверя.

Приор и племянник переглянулись.

– Жеводанский зверь, – сказал бенедиктинец, побледнев, – да простит нам Господь наши согрешения… Мы погибли!

Леонс стал искать глазами предмет, который он мог бы применить в качестве оружия. Едва ли хлыст мог серьезно испугать такого опасного противника, который возвещал о себе столь ужасными звуками.

– Ободритесь, дядюшка, – сказал Леонс. – Волк, если это действительно он, может быть, не осмелится напасть на двух всадников… Если б у меня была хотя бы хорошая дубина…

Вой прекратился; теперь в терновнике слышались только чьи-то тяжелые шаги, чье-то быстрое передвижение. Но чаща была так густа, темнота так глубока, а туман так плотен, что ничего нельзя было рассмотреть.

Вдруг вой послышался снова; на этот раз зверь казался в нескольких шагах от путешественников.

Это испытание было слишком тяжелым для бедного бенедиктинца. Уже воображая, как зубы чудовища впиваются в его упитанное тело, он начал громко стенать и вслух молиться всем известным ему святым. Леонс, напротив, молча искал врага глазами, готовый отразить нападение, как мог; но его мужество в подобной ситуации не приносило пользы. Тут вой раздался буквально в двух шагах от всадников. Испуганные лошаки поднялись на дыбы, повернули и побежали каждый в свою сторону. Лошак приора понес своего всадника, который ухватился за его гриву и продолжал кричать. Лошак Леонса, не находя перед собою пустого пространства, понесся напрямик в кусты, колючие ветви царапали его бока, но животное, спасая свою жизнь, неслось не разбирая дороги.

Молодой человек удержался на лошаке всего лишь несколько минут. Его великолепные навыки в верховой езде не помешали ему наткнуться на низкую ветвь бука и вылететь из седла.

Падение было жестоким, и Леонс несколько минут лежал оглушенный, без движения, ничком. Потом он услышал тихое рычание, какое-то тяжелое тело придавило его к земле, и он почувствовал, как острые зубы вонзились в его плечо, а когти принялись раздирать одежду.

Но неизбежность опасности заставила Леонса опомниться; он старался повернуться и высвободить руки, чтобы оттолкнуть зверя, который намеревался сожрать его живьем, но колючие растения опутали его своими ветвями, листья, липшие к лицу, ослепляли его, а тяжесть, лежавшая на нем, парализовала его движения. Но он успел, однако, повернуться на бок и одной рукой изо всех сил оттолкнуть чудовище, которого не мог видеть. Но рука его схватилась не за звериную шерсть, а скорее, за какие-то жесткие, нечесаные, взъерошенные волосы.

В ту страшную минуту, когда инстинкт самосохранения довлел над рассудком, Леонс не искал объяснения непонятному обстоятельству. Он продолжал неистово бороться со своим неизвестным противником, толком не понимая при этом, что делает. Он просто отчаянно вертелся, вырываясь из лап своего врага и нанося ему беспорядочные удары.

Наконец борьба прекратилась, несчастный молодой человек, измученный, запыхавшийся, почти лишившийся чувств от боли и страха, стал уже неспособен к сопротивлению. Когти и зубы перестали его рвать, и он почувствовал, что тяжесть, придавливавшая его к земле, исчезла. Оживленный этой внезапной переменой, он успел приподняться и, облокотившись о землю, осмотрелся кругом. Следы его грозного противника исчезли; слышался еще шум в соседних кустах, но ничего нельзя было разглядеть. Внимание Леонса было отвлечено другим шумом, раздававшимся на дороге и приближавшимся довольно быстро. Это были звуки рога, теперь совершенно внятные, громкий лай, а главное, голос приора, звавшего Леонса.

Юноша не мог отвечать; он оставался все в том же положении, еще не веря в то, что его неведомый враг решил сохранить ему жизнь.

Наконец он различил в тумане двух человек, которые искали его, одного пешего, а другого верхом на лошади, и услышал их голоса:

– Леонс, где вы? Леонс, ради бога, ответьте, вы живы?

Тут молодой человек успел наконец преодолеть ужасную слабость.

– Сюда, дядюшка, я здесь…

– Мы его нашли! – вскричал бенедиктинец, соскочив с лошака. – Друг мой, вы ранены?

– Кажется, нет, дядюшка.

– Слава богу, слава богу! – Бонавантюр хотел помочь Леонсу встать, но его спутник сказал ему на местном наречии:

– Будьте осторожны, преподобный отец! Зверь, должно быть, недалеко, потому что моя собака рычит… Полно, Кастор, не отходи, ты можешь нам понадобиться.

Но его опасения не могли остановить приора, бесконечно обрадовавшегося, что он нашел своего приемного сына. Он прорывался через колючие кусты, не обращая внимания на свою бенедиктинскую рясу; он сжал в объятиях бедного

Леонса со всей силой, на какую был способен.

Сам юноша еще не оправился от пережитого потрясения. Только когда он с помощью дяди вышел к дороге, тот смог убедиться в плачевном состоянии племянника. Шляпа его была смята, платье разорвано, руки и лицо расцарапаны до крови. На левом плече была глубокая рана, как будто кусок тела был вырван когтями или зубами.

Испуганный Бонавантюр поспешил перевязать рану носовым платком. Его спутник помогал ему в этом.

– Господи, помилуй, – с ужасом говорил этот человек на местном наречии, – вы чуть было не попались; еще минута, и вы были бы растерзаны!

Тот, кто говорил таким образом и кто так кстати помог путешественникам, был – как читатели, без сомнения, догадались – Жан Годар, меркоарский пастух. Оставив Лангонь, он отправился по проселочной дороге, годной только для пешеходов. Войдя в ту часть леса, где скрывался зверь, он вздумал затрубить в пастушеский рог, чтобы, как он надеялся, отпугнуть это свирепое животное. Он услышал крики дяди и племянника и, догадавшись, что кто-нибудь заблудился в тумане, отправился искать одиноких путников. Крики, раздавшиеся в минуту нападения, заставили его поторопиться, и он чуть было не был сбит с ног приором, которого нес лошак. После короткого разговора они вдвоем бросились на помощь к Леонсу, который, по их справедливому предположению, был в серьезной опасности.

Впрочем, бедный молодой человек, так чудесно спасенный, не успел задать никаких вопросов. Присутствие духа медленно возвращалось к нему.

– Дядюшка, – сказал он наконец изменившимся голосом, – вы видели его? Конечно, он пробежал мимо вас!

– Кого? – с удивлением спросил приор.

– Этого человека… Негодяя, который меня ранил.

– Человека? Вы грезите?.. Без сомнения, несчастный юноша получил сильный удар по голове… Леонс, вы имели дело не с человеком, а с чудовищем, которое называется жеводанским зверем.

– Жеводанским зверем? Уверены ли вы в этом, милый дядюшка? – спросил Леонс, разум которого мало-помалу пробуждался. – Право, я не смею утверждать… я едва понимаю, где я… однако я не могу поверить, чтобы меня так отделал хищный зверь.

– Боже милосердый, кто же тогда? – сказал пастух. – Если б вы могли видеть, какая рана у вас на плече, вы не имели бы никакого сомнения на этот счет. Какие зубы!.. Но, господа, нам нельзя здесь оставаться; ночь приближается, а зверь может проявить упрямство; и если ему придет на ум опять напасть на нас, пожалуй, мы с ним не сладим. В этом лесу после заката солнца ничего хорошего ждать не приходится.

– Этот добрый человек прав, – сказал вдруг приор, который, успокоившись насчет судьбы своего племянника, начал пугаться за себя, – поедем немедленно… Какое гибельное и зловещее место! Не надо оставаться здесь; тебе нужна помощь, Леонс, дитя мое… Мужайся! Давайте же постараемся как можно скорее добраться до замка.

Лошака Леонса найти было нетрудно. После падения своего всадника он сам запутался в кустах так, что не мог идти дальше. С трудом Жан Годар смог вытащить его на дорогу и привести к Леонсу. Но быстро выяснилось, что раненый неспособен ехать верхом: больная рука не могла держать поводьев. Тогда Жан Годар без церемоний вскочил на лошака и, обхватив одной рукою племянника приора, другой схватил поводья.

– В путь, в путь! – воскликнул он. – Когда выедем из леса, мы устроимся как можно лучше, но теперь не время нежиться. Вот Кастор навострил уши и огрызается… В путь! Ты, Кастор, следуй за нами… Через четверть часа мы будем вне опасности.

Он погнал лошака, и Бонавантюр поехал за ним, между тем как собака шла последняя, сердито рыча и часто оглядываясь.

V Владетельница замка

Замок Меркоар, в котором жила Кристина де Баржак, возвышался почти посреди того самого огромного леса, где фронтенакский приор и его племянник подвергались такой большой опасности. Замок был выстроен в ту эпоху, когда во Франции перестали укреплять жилища сельских дворян; но эта провинция никогда не была достаточно спокойна по причине религиозного антагонизма и ненависти, порождаемой им. Поэтому жилища меркоарских помещиков имели вид неприступных замков. Этот замок был выстроен на возвышенности над деревушкой в тридцать домов. Высокие башни с аспидной кровлей стояли по четырем углам; замок был окружен рвами, стенами и снабжен подъемным мостом. Правда, во рвах не было воды, в стенах зияли многочисленные проломы, а подъемный мост оставался неподвижен за неимением цепей. Но надо было подойти очень близко, чтобы приметить эти опустошения, нанесенные временем. Издали замок со своими острыми зубцами, мрачной массой вулканических камней и высокой оградой серых стен имел величественный вид, говорящий о важности его владельцев.

В тот день, когда происходили события, рассказанные нами, окрестности этого жилища, обыкновенно уединенные и безмолвные, были весьма оживленны. Все дороги, сходившиеся в Меркоаре, были наполнены путешественниками. Одни шли пешком, другие ехали верхом, но все спешили присутствовать на завтрашней охоте на волка. Между ними виднелись охотники-дворяне на прекрасных лошадях и хорошо вооруженные, за ними пешие егеря вели своры собак. Некоторые из этих дворян везли на своей лошади жену или сестру, которые скрывали свой смелый способ сидеть на лошади посредством широкой драпировки, тогда называвшейся верховым передником. Но женщин было мало, то ли оттого, что они боялись подвергать свою жизнь риску, то ли оттого, что не имели особого желания общаться с хозяйкой замка, известной своим вспыльчивым и эксцентричным характером. Только несколько неустрашимых провинциальных жительниц, соскучившись в своих замках и горя нетерпением нарушить смертельное однообразие жизни, осмелились явиться на это собрание.

Путешественники, преодолев подъемный мост, въехали во двор замка, где ничто не возвещало особенно изящного и утонченного гостеприимства. Этот двор, отведенный для сельских работ, был загромождён поломанными тележками и бочками, кучами навоза, и среди всего этого прыгали, кудахтали курицы, голуби и утки. Полуразрушенные строения, окружавшие двор, судя по разбитым окнам, служили сеновалами.

В этом-то первом дворе всадники сходили с лошадей и останавливались пешеходы, не получившие особенного приглашения от владетельницы замка. Два работника с фермы, одевшись для такого случая в ливреи с галунами, принимали приезжавших. Они снимали дам с лошадей, брали чемоданы и дорожные мешки, ставили лошадей в конюшни. Гостей низшего звания провожали в обширный, низкий зал, где на столах были разложены хлеб, вино, сыр и каштаны. Люди садились, пили и ели без церемоний, а тому, кто уже был сыт, стоило только отворить соседнюю дверь, чтобы очутиться на сеннике, используемом как спальная для слуг. Гостей же благородного звания лакей провожал на второй двор, вокруг которого находились здания, занимаемые владелицей замка.

Эта часть замка содержалась гораздо лучше; там царствовали совершенный порядок и необыкновенная чистота. Корпус и два флигеля составляли три стороны этого квадратного двора, посреди которого бил небольшой фонтан. Четвертую сторону составляла железная решетка и ворота с гербом фамилии де Баржак. Ворота эти вели в обширный парк, прежде отделенный от леса стеною и рвом; но стена давно обветшала, а ров был заполнен камнями, выпавшими из стены, и прочим мусором, в общем, уже давно одна решетка защищала замок от обитателей меркоарского леса.

В одном углу второго двора небольшое каменное крыльцо вело в приемные комнаты. На этом крыльце старый господин высокого роста, худощавый, прямой, с важным видом выполнял обязанности церемониймейстера. Он был весь в черном, в жабо, манжетах и с косичкой; шляпу держал под мышкой, а рукой со смешной важностью опирался на эфес шпаги. Это был кавалер де Моньяк, дворянин из хорошей семьи, но младший брат и, следовательно, человек, весьма стесненный в средствах. Храбрый воин, с отличием прослуживший много лет в кавалерии, он вел бы сейчас весьма скудную жизнь, если б фронтенакский приор, знавший его довольно давно, не вздумал назначить его управляющим и почетным конюшим питомицы монастыря. В настоящих обстоятельствах де Моньяк казался проникнутым чрезвычайной важностью своих обязанностей. Его вытянутое лицо выражало некую смесь достоинства и замешательства. Как только подходили гости, он делал навстречу им три шага, целовал дамам руку, низко кланялся мужчинам, потом провожал их в большую столовую, где уже находилось многочисленное общество. Там он говорил придуманное заранее вежливое извинение за отсутствие хозяйки, «которая очень занята, но скоро придет, чтобы выказать вам свое почтение».

– А пока, – прибавлял кавалер, – моя благородная госпожа приглашает вас через меня располагать всем принадлежащим ей как вашей собственностью. Дом ее и слуги в вашем распоряжении.

Потом кавалер де Моньяк кланялся опять и возвращался на свое место на крыльце. Но, может быть, ему казалось, что он недостаточно вознаграждал этой преувеличенной вежливостью равнодушие своей госпожи к такому множеству гостей, потому что, оставшись один, он глубоко вздыхал и бросал тоскливый взгляд на ту часть замка, где окна оставались закрытыми.

Гости, со своей стороны, могли бы обидеться, что Кристина де Баржак поручила своему конюшему принимать их; но веселые охотники и деревенские соседи, приезжавшие каждую минуту, не обращали на это особенного внимания. Они привыкли к странностям владетельницы замка, и никто не думал на нее обижаться. Притом в камине горел яркий огонь, стол был заставлен холодной говядиной, кушаньями всякого рода, отборными винами; приготовлены были прекрасные кресла; проворные слуги исполняли все просьбы с быстротой молнии; на что же могли жаловаться гости? Поэтому большинство приехавших в замок, не обращая внимания на отсутствие хозяйки, весело расселись за столом и восприняли приглашение кавалера чувствовать себя как дома совершенно буквально.

Какие же важные дела задерживали хозяйку? В небольшом садике, служившем манежем, вместе с своей гувернанткой сестрой Маглоар и старым Мориссо, бывшим егерем ее отца, она обучала небольшую лошадь степной породы, на которой хотела ехать завтра на охоту.

Кристина де Баржак, которой тогда было восемнадцать лет, была стройна и гибка, как горная сосна. В каждом ее движении были грация и сила. Девушка была довольно высока ростом, даже выше, чем многие из мужчин; черные глаза ее смотрели с вызовом, а губы часто складывались в надменную усмешку. Пожалуй, цвет ее лица был слишком загорелым для знатной девицы, которой этикет запрещал слишком много времени проводить на свежем воздухе, а ее черные волосы были слишком растрепаны, так что их едва ли можно было назвать прической. По тому, что малейшее противоречие проводило на ее лбу морщину, можно было сказать, что она чрезвычайно упряма и своенравна. Она была одета в зеленое шелковое платье, похожее фасоном на наши современные амазонки. На ее голове была небольшая треугольная шляпа с белыми перьями и золотым галуном. Этот полумужской костюм, прекрасно сочетавшийся с

деятельной и решительной натурой госпожи Кристины де Баржак, и породил среди тамошних жителей слух, что она одевалась по-мужски. Действительно, кроме юбки, длинный шлейф которой мог приподниматься к поясу, в нем не было никаких других особенностей, характерных для женской одежды. Так что ее могли принять за бойкого юного дворянчика, который скорее готов был сделаться мушкетером, нежели семинаристом.

Мы уже знаем о тех обстоятельствах, которые сделали Кристину столь не похожей на других молодых девушек ее возраста. Рано лишившись матери, она жила с отцом и другими мужчинами в этом уединенном замке. Отец ее и дядя, искусные охотники, но очень несведущие и довольно грубые, принимали у себя только охотников; их забавляло то, что девушка перенимала их свободную манеру общения и развязные манеры, от которых теперь ее так хотел избавить приор. На веселых обедах, следовавших за охотой, маленькая Кристина неизменно присутствовала, и пьяные гости развлекались, заставляя ее повторять ругательства, бывшие в моде, обучая ее бойким движениям и слушая, как она напевает застольную песню. Ее отец, очень желавший иметь сына, искренне радовался этим шуточкам; ее дядя, еще более неблагоразумный, обучал новым и новым шуткам. Однако и тот, и другой обожали это маленькое существо; хотя и не думали, что, может быть, пагубно влияли на ее характер, они видели в девочке игрушку, которой забавлялись с пагубной непредусмотрительностью. Таково было первое воспитание Кристины. Она переняла вкусы, нравы, язык окружавших ее. Она думала только о том, чтобы бегать, прыгать, ездить верхом. Только незадолго до своей смерти де Баржак как будто впервые по-настоящему осознал ту опасность, которую представлял для юной девицы столь необычный характер. При всей своей бойкости, юная Кристина была не способна дать отпор целому свету, в котором ее поведение сочли бы непристойным. Отец девочки с горечью понял, что его дочери угрожает роль изгоя, человека, на которого окружающие смотрят с недоумением и ужасом. Даже богатое имение вряд ли исправило бы ситуацию, гарантируя Кристине лишь лицемерное уважение общества.

Чтобы хоть как-то исправить сложившееся положение, он завещал опеку над дочерью фронтенакским бенедиктинцам, которых считал способными справиться с подобным поручением. К несчастью, совершенно сгладить следы первоначального воспитания было уже невозможно: Кристине было двенадцать лет, а в этом возрасте основы характера уже заложены, сформированы наклонности и привычки. Поэтому старания бенедиктинцев были по большей части тщетны, а Кристина лишь сердилась на их вмешательство в свою жизнь.

В эту минуту, как мы сказали, мадемуазель де Баржак, не обращая внимания на многочисленных гостей, приехавших в замок, учила маленькую Бюшь, свою любимую лошадь. Это было не очень-то легко. Бюшь, хорошенькая вороная лошадка с быстрыми глазами, казалась, несмотря на свой маленький рост, такою же своевольной, такою же капризной, как и ее госпожа. На Бюше сидел Мориссо, который, несмотря на свои семьдесят лет, еще считал себя превосходным всадником. Кристина с хлыстом в руке стояла посреди манежа и командовала. Иногда лошадь с удивительной кротостью слушалась всадника, но иногда лягалась и становилась на дыбы. Тогда мадемуазель де Баржак хлопала хлыстом, сердито прикрикивая то на лошадь, то на всадника. Часто, выйдя из терпения, она приказывала Мориссо сойти с лошади, и хотя у Бюши была только уздечка и легкая попона, она проворно вскакивала на нее, приказывала ей исполнять указанный маневр, потом сходила с лошади, бралась за свой хлыст и говорила Мориссо:

– Черт тебя дери, старый бездельник, неужели ты не стыдишься своей неловкости? Бюшь горяча, но не зла, а ты не умеешь с ней обходиться. Ты начинаешь ее хлестать, но не даешь времени подумать о том, что ты хочешь от нее… Черт побери! Из вас двоих Бюшь более рассудительна, честное слово!

Всякий раз, когда с ее губ слетали неприличные выражения, жалобный голос вскрикивал:

– Пресвятая Дева! Мадемуазель де Баржак, вы опять ругаетесь, несмотря на ваше обещание… Что скажут бенедиктинцы? Что я воспитываю вас так дурно? По меньшей мере, я буду отлучена от церкви!

– Хорошо, хорошо, сестра Маглоар, – возражала Кристина насмешливо. – Не беспокойся о том, что скажут или сделают эти проклятые святоши.

– Проклятые святоши? Но ведь это нечестивость, святотатство… Ах, милое дитя, вы верно хотите погубить вашу душу! Да простит вам Бог ваше прегрешение!

Сестра Маглоар, говорившая таким образом, сидела в углу манежа. Защищаемая кадками с цветами от прыжков капризной Бюшь, она вязала, по своей привычке, шерстяной чулок. Гувернантка мадемуазель де Баржак носила в замке костюм урсулинки. Это была женщина лет пятидесяти, манеры которой показывали, что она жила прежде в монастыре. Она слыла очень образованной, но ее выбрали в

наставницы Кристине за ее неизменное терпение и глубокую набожность, которая побуждала ее безропотно переносить несправедливость, жестокость и даже оскорбления. Мы должны сказать, что эти добродетели сестры Маглоар часто подвергались жестоким испытаниям. Урсулинка разделяла с кавалером де Моньяком управление замком, они изо всех своих скромных сил старались склонить свою воспитанницу к соблюдению приличий. Дома урсулинка брала верх, она читала длинные нравоучения и прибегала к патетическим речам, чтобы удерживать Кристину в рамках этикета. Вне дома ученый и флегматичный кавалер де Моньяк всюду сопровождал свою молодую госпожу и пешком, и верхом. Менее красноречивый и менее болтливый, чем сестра Маглоар, он завершал каждое свое наставление правилом кратким и бесспорным, как аксиома. Однажды приняв решение, он дал бы скорее разорвать себя на куски, чем уступил бы, и его холодное упорство лучше влияло на горячий нрав молодой девушки, чем бесконечные поучения урсулинки.

Однако мадемуазель де Баржак, как легко можно себе представить, переносила с крайним трудом этот двойной надзор. Сердце у нее было доброе, несмотря на свое воспитание, она имела довольно здравого смысла, чтобы признавать правоту своих наставников; но неотступные нравоучения раздражали ее гордость. Нельзя сказать, чтобы она ненавидела своих слишком ревностных покровителей, но ей нравилось устраивать различные шалости, чтобы немного помучить своих наставников. Это поведение приводило в отчаяние честного кавалера и бедную урсулинку, и хотя во всем остальном жизнь их в замке была довольно приятна, они уже много раз готовы были отказаться от возложенных на них обязанностей. Пока мадемуазель де Баржак смотрела на то, как Бюшь делает первые успехи, урсулинке доносили все, что происходило в другой части замка. На пороге соседней двери время от времени появлялась камеристка в красивом костюме, традиционном для здешних мест. Она говорила несколько слов озабоченной урсулинке и тотчас уходила. Эта проворная посланница по приказу кавалера рассказывала гувернантке о приезжавших благородных гостях и просила ее напомнить хозяйке об обязанностях гостеприимства.

Урсулинка сама только этого и желала; она несколько раз хотела прервать урок в манеже, но упрямая ученица не слушалась ее, а урсулинка, боясь рассердить ее своей настойчивостью, ожидала благоприятного случая уговорить ее.

Этот случай скоро представился. Лошадь устала, а старый конюх, более мужественный, чем сильный, по причине своих преклонных лет, был весь в поту. Кристина велела Мориссо отдохнуть, потом села на скамейку возле своей

гувернантки и, сняв шляпу, начала небрежно приглаживать свои растрепанные волосы.

– Дитя мое, – сказала урсулинка, воспользовавшись удобной минутой, – не пора ли нам идти домой? Гости ожидают вас и вы обязаны быть учтивы с дворянами, приехавшими освободить ваши земли от ужасного зверя, опустошающего их.

– Сколько шума из-за какого-то волка! – возразила молодая девушка, пожимая плечами. – Я помню, как отец мой и дядя Гилер убили шесть волков на одной охоте, и как ни была мала, я присутствовала при этом в ущельях Лозера, тогда заваленных снегом… Ах, сестра Маглоар – продолжала она с умилением, довольно редким в ней, – ты не знала моего отца и моего доброго дядю Гилера; какие это были люди и какие охотники! Если б они были еще живы, они не прибегали бы к этим хвастливым дворянчикам, которые производят больше шума, чем пользы. Отец и дядя сели бы на лошадей и со своими егерями и двенадцатью ретивыми собаками скоро расправились бы с этим проклятым зверем, столь охочим до человеческой крови… Но времена переменились. Бедный отец, бедный дядя Гилер! – И она отвернулась за тем, чтобы скрыть слезы.

– Я знаю, дитя мое, – холодно возразила урсулинка, – что де Баржаки были благородными дворянами и опытными охотниками; хотя они жестоко пренебрегли некоторыми обязанностями относительно вас, но не мне их судить. Тем не менее сейчас вы должны быть признательны добрым соседям, которые помогают вам, и вы хорошо сделали бы, если б пошли встретить их…

– Э, черт побери! Разве кавалер де Моньяк не там? Вы ведь позаботились, чтобы у них ни в чем не было недостатка?

– Без сомнения; но некоторые важные особы могут обидеться из-за вашего продолжительного отсутствия… Например, граф де Лаффрена…

– Дайте ему зеркало; он не соскучится, пока будет любоваться своим отражением, пусть бы даже ему пришлось провести всю ночь за этим приятным занятием.

– Маркиз де Бреннвиль…

– Пусть его отведут на псарню; ему нравится общество собак.

– Барон и баронесса де Флорак…

– Пусть посадят их за стол и постоянно наполняют их рюмки и тарелки. Ручаюсь вам, что они не заметят моего отсутствия, если только вина и кушанья будут по их вкусу.

– Однако, мадемуазель де Баржак, – продолжала урсулинка, несколько рассердившись, – с минуты на минуту могут приехать гости, которым вы должны оказать почет и уважение.

– А, вижу, о ком пошла речь. Сестра Маглоар, ты, наверно, ждешь этих проклятых… я хочу сказать, этих почтенных бенедиктинцев из аббатства?

– Вам следует уважительно говорить о ваших благодетелях, о ваших наставниках, – решительно возразила гувернантка. – Да, сударыня, для них приготовлены комнаты.

– Да черт бы их…

– Мадемуазель де Баржак!

Кристина закусила губы и топнула ножкой, обутой в сафьяновую туфельку. Сестра Маглоар вздохнула и подняла глаза к небу. Это значило, что она готовится прочесть длинное нравоучение своей воспитаннице, когда молодая камеристка доложила о приезде барона де Ларош-Боассо. Это известие вдруг изменило идеи мадемуазель де Баржак.

– Ларош-Боассо! – вскричала она. – Ах, тем лучше! Он такой веселый! Мы будем здесь забавляться, как… в прошлые времена… Ты права, сестра Маглоар, – продолжала она, поспешно вставая, – пора воротиться домой.

Но гувернантка не разделяла восторженного отношения Кристины к барону и не встала со своего места.

– Право, я не понимаю вашего отношения к барону, – возразила она, – говорят, он мот, развратник, даже, может быть, враг нашей святой церкви.

– Это славный охотник, чудесный наездник, веселый собеседник! А об остальном я не справлялась, – беззаботно возразила мадмуазель де Баржак, – притом он не надоедает мне пошлостями и комплиментами, как другие… Хочешь, я тебе скажу, сестра Маглоар, откуда происходят твои предубеждения относительно него? Оттого, что он мне нравится. Ты всегда не любишь тех, кто мне нравится, но, черт побери, я буду поступать по-своему!

И она подошла к своему конюху, который, держа лошадь за узду, отдыхал.

– Надо закончить это дело, Мориссо, – сказала она, – но так как ты устал, я сама доведу урок до конца.

Она без усилий вскочила на спину ретивой лошади, которая тут же начала прыгать, как бы изъявляя свою радость. Юная амазонка заставляла ее несколько минут повторять самые трудные упражнения, менять аллюр и вдруг останавливаться после скачки галопом. Наконец довольная послушанием своей лошади, она сделала старому конюху таинственный знак.

– Теперь последнее правило грамматики, – сказала она, улыбаясь.

– Вам угодно, чтобы я принес…

– Да, – сказала лукавая девушка.

И она указала на сестру Маглоар, которая опять принялась за свою работу.

Мориссо понял ее мысль и в свою очередь лукаво улыбнулся, потому что он не любил урсулинку, беспрестанно читавшую ему нравоучения. Он пошел за пистолетами, лежавшими недалеко, и молча подал их своей барышне. Та начала галопировать по манежу и, проезжая мимо урсулинки, положила один из пистолетов между ушей Бюши и выстрелила. При этом неожиданном звуке сестра Маглоар вздрогнула, воскликнув: «Господи Иисусе!», между тем как девушка громко захохотала.

– Ну, милая сестра, – вскричала она. – Неужели я никогда не приучу тебя к стрельбе?.. Но, клянусь моей душой, кажется, и Бюшь слегка вздрогнула… Я не потерплю этого! Я опять выстрелю, и если ты пошевелишься… Не бойся на этот раз, сестра Маглоар; опасности нет, ты это знаешь.

Она выстрелила из другого пистолета. Пламя пороха коснулось гривы Бюши, но лошадь как будто не заметила этого и не изменила шага.

– Ну вот и прекрасно, – сказала Кристина с торжеством и сошла с лошади.

Пока она гладила рукою блестящую и гладкую шею лошади, конюх подошел взять поводья.

– Я грубо обошлась с тобою, мой бедный Мориссо, – сказала мадемуазель де Баржак дружеским тоном, – я виновата, прости меня… Бюшь прекрасно обучена; вот тебе несколько луидоров, выпей за мое здоровье.

Старый слуга рассыпался в изъявлениях благодарности. Девушка же повернулась к нему спиной и подошла к сестре Маглоар. Тогда только она заметила, что урсулинка была вся в слезах.

Удивление и горесть тотчас заменили радостное выражение на лице Кристины. Она бросилась на шею своей гувернантки и сказала ей с волнением:

– Что с тобою, милая сестра? Неужели ты так сильно обиделась на меня из-за этой шутки? Прости меня… Я исправлюсь… Поцелуй меня; я хочу, чтобы ты меня поцеловала!

– Мадемуазель де Баржак, – сказала урсулинка тихо, отталкивая ее, – вы ужасно жестоки, ныне я потеряла терпение и мужество. Вы меня не любите, вы меня ненавидите!

– Совсем нет, я люблю тебя, – возразила Кристина со своей обыкновенной пылкостью. – Да, я люблю тебя, моя милая; ты добра, а я зла. Сто раз я хотела отказаться от этих проклятых шалостей, и не знаю, какой черт… Полно, не сердись на меня на этот раз… Я исправлюсь, клянусь тебе… Ну, кончено? Поцелуй меня!

И она несколько раз поцеловала урсулинку в бледную морщинистую щеку. Сестра Маглоар не могла удержаться, чтобы не улыбнуться сквозь слезы, видя, как искренне Кристина раскаивается в своих проступках.

– Ах, мадемуазель де Баржак, – сказала она, – вы употребляете во зло мое снисхождение, мою слабость… Но я думаю иногда…

– Ты опять принимаешься за то же? Ведь ты меня простила… Сейчас ты увидишь, как я буду вежлива и любезна со всеми этими людьми в парадной гостиной. Ты сама меня не узнаешь. Обещаю тебе приятно улыбаться всем, даже… твоим бенедиктинцам. Ты, кажется, мне сказала, что ждешь Жерома, монастырского эконома?

– Нет; по всей вероятности, сам господин приор захочет присутствовать на этом торжественном событии.

– Да мне сегодня везет! Приор строг меньше других, и я люблю его больше прочих! Как ты думаешь, – продолжила она с притворным равнодушием, – он приедет один?

– Может быть, по обыкновению он возьмет с собою своего племянника, мосье Леонса.

– Леонса, – повторила Кристина, вздрогнув. – Пойдем, пойдем, милая сестра, – прибавила она тотчас с живостью. – Если ты дашь охладеть моим добрым намерениям, я не ручаюсь за свое поведение.

Она хотела потащить урсулинку за собой.

– Я иду, дитя мое, – сказала сестра Маглоар, сворачивая свою работу. – Но вы не можете явиться перед благородными гостями в этом костюме. Ступайте в вашу комнату и позвольте, чтобы вас одели и причесали, как подобает девице вашего звания.

– Вот еще! – сказала мадемуазель де Баржак, состроив гримасу. – Позволить насыпать на свои волосы белой муки и нарядиться в это длинное платье с фижмами, которое мне прислали из Парижа! Я не хочу! Я не буду уметь ни

говорить, ни ходить, ни двигаться. Мне так хорошо, потому что мне ловко; пускай меня принимают такою, как я есть.

– Но…

– Черт побери, почему же ты, сестра Маглоар, также не переоденешься?

– Я, дитя мое, монахиня и не могу без особого позволения моей настоятельницы снять одежду моего ордена.

– Ну а я не хочу снимать мою верховую одежду!

И упрямая девушка, надвинув шляпу на ухо, с лукавым видом направилась в зал такими быстрыми шагами, что урсулинка с трудом могла поспеть за нею.

VI Приезд

Наступала ночь, и многочисленные свечи освещали вместе с огнем в большом камине зал, в котором находились гости Меркоарского замка. Одни еще ели и пили за столом, на который слуги беспрестанно ставили новые кушанья; другие отдыхали перед камином; третьи составляли там и сям воодушевленные группы собеседников. Однако, когда явилась мадемуазель де Баржак, все поспешили к ней. Кристине хотелось бы войти одной и неприметно, но де Моньяк не хотел лишиться такого превосходного случая исполнить свою обязанность в присутствии такого блестящего собрания. В дверях зала он взял свою молодую госпожу под руку и, с довольной улыбкой на губах, ступая на цыпочках, ввел Кристину в зал с той церемонностью, которая должна были вывести из терпения эту раздражительную, избалованную барышню.

Однако она перенесла это лучше, чем можно было ожидать, приторные комплименты, которыми осыпали ее наперебой гости, тоже не вызвали у нее гнева. Она позволяла себя целовать дамам, называвшим ее «моя милочка, моя красавица»; она не перебивала пошлостей, которые говорили ей старые дворяне времен регентства. Она сказала даже несколько любезных слов некоторым гостям и вежливо поблагодарила всех присутствующих за услугу, которую они

оказали ей, освобождая ее земли от страшного жеводанского зверя. Словом – она до того не походила на саму себя, что некоторые гости не узнавали ту девушку, о которой рассказывали такие необыкновенные вещи. Но никто не был так поражен этой внезапной переменой, как кавалер де Моньяк и сестра Маглоар; они стояли в нескольких шагах позади своей госпожи и любовались ею с восторгом и восхищением.

– Она совершенство, сестра моя, – прошептал кавалер, нюхая табак.

– Ангел, кавалер, – сказала урсулинка, поднимая глаза к небу.

Они были менее довольны тем, что последовало за этим.

Ларош-Боассо больше всех ухаживал за мадемуазель де Баржак, которая приняла его с дружеской фамильярностью. Скоро, рассеянно взяв стул, она села между бароном и молодым человеком, щегольски одетым, с живым взором и приятными манерами, который слыл за поверенного Ларош-Боассо и следовал за ним повсюду.

Этот молодой человек, который должен играть довольно важную роль в нашей истории, назывался Легри; это был сын очень богатого прокурора, который несколько лет назад сумел втереться в доверие барона и давал ему деньги взаймы. Без сомнения, Легри-отцу это было выгодно, и ходили слухи, что он уже взял в заклад лучшую часть наследственного имения расточительного дворянина. Однако между Ларош-Боассо и обоими Легри, отцом и сыном, внешне существовали самые дружеские отношения. Этот Легри-старший, будучи весьма низкого происхождения, очень хотел, чтобы сын его выбился в высшее общество. Ларош-Боассо исполнил это желание и познакомил молодого мещанина с некоторыми дворянами, такими же беспутными, как он сам, и неразборчивыми в выборе своих собеседников. Благодаря этому покровительству, дворяне принимали Легри-сына как равного, а так как он всегда проигрывал несколько луидоров в карты, одевался богато, не очень сердился на насмешки над его происхождением, его терпели в этих аристократических собраниях. Притом барон, глава и предводитель этих собраний, не позволял, насмехаясь иногда над своим протеже, чтобы другие позволяли себе эту же вольность, и никто не был настолько смел, чтобы рискнуть накликать на себя гнев барона.

Искренней ли была симпатия Ларош-Боассо к сыну своего кредитора? На этот счет в обществе сомневались. Одни уверяли, что Легри был для барона кем-то вроде шпиона, которому было поручено наблюдать за его поступками. Другие говорили, что Ларош-Боассо, действуя таким образом, хотел угодить бывшему прокурору и посредством сына выпрашивал у отца большие суммы. При том мещанин играл роль друга так, что не оскорблял раздражительную гордость своего покровителя. Он угождал ему до раболепия. Ларош-Боассо не мог сказать ни слова, не мог сделать самого незначительного поступка, чтобы тот не расхвалил его до чрезмерности и не осыпал барона лестью. Сверх того, Легри был надежным и искусным поверенным во всевозможных поручениях, которые были бы противны менее преданному и более щепетильному товарищу. Стало быть, не было ничего невероятного в том, что подобный друг сделался почти необходимым для человека с характером барона. Может быть, Ларош-Боассо имел к Легри некоторую привязанность, если только барон вообще мог любить кого-нибудь, кроме самого себя.

Друзья виделись несколько дней назад, но Легри счел бы себя обесславленным, если б не присутствовал в Меркоаре. Барон, который думал, что ему понадобится помощь его верного друга, позаботился о том, чтобы пригласить его. Они встретились в замке, и Кристина де Баржак, столь обходительная к барону, не могла не принять Легри благосклонно как друга своего друга. Разговор между тремя особами все больше и больше воодушевлялся. Но ни кавалер, ни сестра Маглоар не были в восторге от этого обстоятельства. В особенности их раздражал Ларош-Боассо, со своей надменной наружностью, самоуверенным обращением, щегольским голубым бархатным мундиром с серебряными галунами. Вытянутое лицо кавалера вытянулось еще больше, а урсулинка, только что предававшаяся таким чудным мечтам, опять принялась горестно вздыхать.

И кавалер, и монахиня постарались приблизиться к этой компании, чтобы послушать, о чем идет разговор.

– Мне стыдно думать, – продолжал барон, – что я, охотник весьма посредственный в сравнении с бывшими меркоарскими владельцами, буду распоряжаться охотой на волка в их поместье. Это кажется мне похожим на профанацию, и если бы ваше желание и мой долг не принуждали меня исполнить эту обязанность, то я отказался бы из уважения к тем знаменитым охотникам, о которых мы сегодня вспоминали.

Дань, отданная памяти ее родных, произвела сильное впечатление на Кристину де Баржак; ее глаза гордо сверкнули.

– Ах, как хорошо судите вы о моем возлюбленном отце и о моем превосходном дяде Гилере! – вскричала она. – При их жизни хищный зверь в наших лесах никогда не сделался бы так опасен, как тот, который сейчас причиняет столько несчастий; взбесившийся хищник был бы убит в двадцать четыре часа после своего первого злодейства… Но, – продолжала она, преодолев свое волнение, – так как тех, о которых мы говорим, уже нет на свете, чтобы защищать свои владения, они могут быть заменены не менее искусным охотником, таким как барон Ларош-Боассо.

Несмотря на приличие этого ответа, кавалер и урсулинка все менее и менее казались довольны своей воспитанницей, особенно когда она прибавила:

– Впрочем, я, дочь и племянница этих знаменитых охотников, не останусь праздной, когда столько знатных особ оказывает мне услугу. Будьте уверены, господа, что завтра я вместе с вами буду разделять невзгоды и опасности… Если опасности будут, – прибавила она, улыбнувшись.

– Так и следует говорить достойной дочери храброго графа де Баржака, – вскричал барон. – Ну, графиня, если вам угодно ехать с нами, позвольте начальнику охоты быть вашим кавалером на целый день и не оставлять вас ни на минуту.

– Очень охотно, барон, – просто ответила Кристина. – Я думаю, что лучшее место будет подле вас.

– И я тоже, – сказал Легри жеманно, – я добиваюсь чести быть телохранителем графини де Баржак.

– Как вам угодно, мосье Легри, – равнодушно отвечала Кристина.

Моньяк, узнав распоряжение, лишавшее его привычной должности на охоте, лишь закусил губу, покачал головой и пробормотал сквозь зубы, так что его слышала только гувернантка:

– Ну, господа франты, это мы еще посмотрим!

Между тем разговор сделался общим.

– Вы думаете, барон, что мы скоро разделаемся с этим проклятым животным, которое позволило себе поселиться в лесу нашей очаровательной хозяйки? – спросил граф де Лаффрена.

– Я в этом уверен, любезный граф.

– Ну если мой благородный друг барон утверждает так, – вмешался Легри, – то в этом нельзя сомневаться.

– На охоте ни в чем нельзя быть уверенным, – возразила Кристина, – отец мой, признанный авторитет в этом отношении, имел привычку так говорить.

– Графиня права, – перебил Ларош-Боассо, – никто не может знать заранее, чем закончится охота, однако мы не будем пренебрегать никакими средствами, для того чтобы она имела желанный успех. Я привел Бадино, моего лучшего охотника, и сам хочу завтра осмотреть лес при первых дневных лучах! Не слышно ли о каком-нибудь новом злодействе этого животного после вчерашнего приключения?

– Я не знаю, – сказала Кристина де Баржак, – зверь все еще находится в Монадьере, в двух лье отсюда… Но, – прибавила она с легким беспокойством, – он и теперь может быть опасен, а я не вижу друзей, которых мы ожидаем.

Кавалер и урсулинка с живостью перешептывались между собой. Но прежде чем они успели сообщить свои замечания Кристине, Ларош-Боассо вдруг весело воскликнул:

– Вы заставили меня вспомнить кое-что! Я не вижу здесь еще этих двух фронтенакских бенедиктинцев, которых я оставил в Лангони в гостинице вдовы Ришар… Они должны были следовать за нами и уже быть здесь; уж не съел ли их волк, которого они так боялись?

– Святая Дева, что он говорит? – прошептала урсулинка, сложив руки.

– Барон, – спросил Моньяк, – вы говорите о почтенных фронтенакских бенедиктинцах, которые задержались в дороге?

– Без сомнения, – отвечал Ларош-Боассо небрежным тоном. – Их было двое, молодой и старый; они должны были оставить Лангонь вскоре после меня. Право смешно, если они заблудились в этом густом тумане и были вынуждены ночевать в лесу. Если так, какую ночь провели эти бедные бенедиктинцы! Они верно тысячу раз прочли pater и ave, чтобы очистить лес от всех ругательств, которыми его осквернили теперешние и прошлые охотники. Я бьюсь об заклад, что завтра, несмотря на их длинную одежду, их найдут в каком-нибудь гнезде сорок или белок.

Легри засмеялся.

– И волки окружат дерево, на котором они сидят, – решил он продолжить шутку барона.

Присутствующие расхохотались, но тотчас смолкли, заметив, что хозяйка нахмурила брови.

– Барон, – спросила она со сдерживаемым волнением, – вы знаете этих двух бенедиктинцев, которых вы видели в Лангони, и можете их назвать?

– Кажется, один был Бонавантюр, приор аббатства, – сказал Ларош-Боассо равнодушно, – а другой… другой, если я не ошибаюсь, то ли родственник, то ли слуга, то ли секретарь приора, что-то в этом роде.

– Без сомнения, – испуганно произнесла Кристина, – это Леонс!

– Леонс? Да, в самом деле, кажется, так при мне называли этого молодого человека.

Кристина поспешно встала.

– Кавалер де Моньяк и сестра Маглоар, – сказала она, – распорядитесь, чтобы мои люди тотчас отправились разыскивать наших заблудившихся гостей; пусть осмотрят лес с факелами, пусть кричат, пусть трубят в рога… Нет, я сама лучше

поеду верхом; прикажите Мориссо проводить меня на рыжем.

– Прекрасно, дитя мое, у вас доброе сердце, – прошептала урсулинка.

Присутствующие очень удивились перемене в молодой хозяйке.

– Право, графиня, – весело сказал Ларош-Боассо, – я не понимаю вашего великодушия. Что за беда, если эти бенедиктинцы заночуют на дереве? Это будет для них удобным случаем поразмышлять и помолиться, не рискуя ничем, кроме насморка.

– Молчите, барон, – перебила Кристина сухо, – я не могу позволить подобных шуток. Приор Бонавантюр – самый лучший, самый благоразумный из бенедиктинцев аббатства, и он всегда был добр ко мне. Племянник его, мосье Леонс, друг моего детства; я не прощу себе, если с тем или другим случится несчастье… Как, мосье де Моньяк, вы еще здесь? – обратилась она к своему шталмейстеру.

– Я иду, графиня; но позвольте мне смиренно возразить, вам нельзя оставить благородных гостей и отправиться с нами в лес; это будет неприлично…

– Неприлично? Неприлично? – повторила гордая молодая девушка. – Ваше любимое слово, кавалер! Мне интересно, до каких пор мои распоряжения будут оспаривать? Разве я уже здесь не хозяйка? Но если мне отказываются повиноваться, я поеду одна…

– Графиня, – вскричал барон, – позвольте мне проводить вас. Я часто отыскивал следы оленей и косуль, – прибавил он вполголоса, – но никогда бенедиктинцев; это будет охота в новом роде.

– Я также прошу чести провожать мадемуазель де Баржак, – сказал Легри, по обыкновению взяв за образец поведение своего патрона.

– И я также, и я также! – вскричали охотники со всех концов зала.

– Как вам угодно, господа, – сказала хозяйка, – главное, меня не будут упрекать, что я бросаю гостей… Но спешим, становится поздно. Ночь темна, и я боюсь…

– Да будет с вами мир Господень, – сказал вдруг тихий голос в дверях.

Кристина де Баржак и следовавшие за нею вдруг остановились. Вошел приор Бонавантюр в довольно жалком виде, поддерживая бедного Леонса, который шел с трудом, завернутый в плащ пастуха.

Меркоарские гости вскрикнули кто от удивления, а кто от радости, потому что идея с ночной прогулкой не весьма им понравилась. Графиня де Баржак встретила новых гостей с радостным восклицанием:

– Ах, мой преподобный отец, вы ли это? Мосье Леонс! Будьте дорогими гостями в Меркоаре! Мы начали тревожиться и хотели ехать искать вас… Но, Боже мой, что с вами случилось?

Кристина заметила расстроенный вид бедного бенедиктинца и бледность, уныние и слабость Леонса.

– Вы скоро это узнаете, дочь моя, – сказал приор, – но позвольте мне прежде усадить этого бедного юношу. Я не знаю, зачем слуги привели нас сюда, где мы помешали этому веселому собранию, стоило бы отвести нас в нашу комнату… Слава богу! Он помог нам в минуту опасности!

Говоря так, он довел племянника до кресла, которое урсулинка поспешила придвинуть. Молодой человек, казалось, не столько страдал, сколько находился в замешательстве, и общее внимание, предметом которого он был, смутило его, так что он слегка покраснел. Этот румянец стал еще заметнее, когда его глаза встретились с глазами графини де Баржак.

– Мосье Леонс, – спросила взволнованная Кристина, – что с вами? Вы ранены? Боже мой, Ваше платье разорвано, я вижу кровь…

– Это ничего, почти ничего, – возразил Леонс, пытаясь улыбнуться, – простая царапина жеводанского зверя.

– Зверь, зверь, опять зверь! – вскричала Кристина, топнув ногой с каким-то отчаянием.

– Это чудо, что мы еще живы, дочь моя, – сказал приор, упавший в кресло со стоном усталости, – этого бедного мальчика чуть не растерзал проклятый жеводанский зверь.

– Леонс, мой милый Леонс, правда ли это? – участливо спросила Кристина.

И все тут же заметили, каким особенным тоном эта девушка, так плохо умевшая скрывать свои чувства, произнесла эти слова.

Молодой человек продолжал слабо улыбаться.

– Дядюшка преувеличивает вред, – пролепетал он, – завтра, вероятно, все пройдет.

– Этот зверь, – сказал барон презрительно, – о котором столько говорят, более страшен, чем опасен, раз люди, которых он якобы разрывает на клочки, на самом деле находятся в добром здравии.

Леонс не ответил на это замечание и отвернулся, но приор бойко сказал:

– А, барон Ларош-Боассо, это вы? Как видите, оставив нас одних безоружных в Меркоарском лесу, вы почти достигли своей цели. Точнее, достигли бы, если б Господь нас не хранил! Пусть он простит вас за ваше жестокосердие!

– Это значит, что вы меня не прощаете? – надменно спросил барон. – Впрочем, мне ваше прощение совершенно без надобности.

По настоятельным просьбам Кристины де Баржак Бонавантюр вкратце рассказал, как туман стал причиною того, что они заблудились в лесу; как лошаки, испуганные внезапным воем, поскакали сломя голову; как, наконец, Леонс был выбит из седла и неминуемо погиб бы, если б Жан Годар не подоспел вовремя со своей собакой.

– Жан Годар будет вознагражден! – тут же решила Кристина де Баржак. – Слышите ли вы, кавалер? Я делаю его с этой минуты главным пастухом во всех моих поместьях. Но посмотрим вашу рану, Леонс; сестра Маглоар и я, мы знаем несколько хирургию; мы можем сделать первую перевязку, пока поедут за

доктором в город.

– Как, графиня, вы хотите сами, при всех…

– Полно ребячиться. Уж не принимаете ли вы меня за смешную жеманницу… Я этого требую!

В то же время с непреодолимым самовластием она раскрыла грубый плащ, в который был закутан Леонс. Бархатный костюм, как мы знаем, был разорван, сквозь него виднелось белое плечо юноши; а когда сняли окровавленные платки, которыми была сделана первая перевязка, из широкой и глубокой раны вновь пошла кровь.

– Опасная рана, – сказала Кристина, побледнев и преодолевая волнение. – Сестра Маглоар, скорее перевязку и холодной воды… Потом принесите мне корпии и нашего фамильного бальзама… Почему мешкают эти глупые служанки?..

– И это, – решительно сказал барон, проскользнувший между любопытными и рассматривавший рану Леонса, – и это укус большого волка? Клянусь честью дворянина, я не могу допустить ничего подобного… Такое животное, как жеводанский зверь, способный раздробить кости одним ударом челюсти, сделает на коже своими когтями борозды в два дюйма глубиной. А где же знак тех огромных зубов, тех железных когтей, которые унесли уже столько жизней? Я ссылаюсь на всех охотников, слышавших меня, на всех, кто мог видеть страшные раны, которыми покрыты собаки после охоты на волков, – это отнюдь не следы волчьих зубов.

Подозрение, заключавшееся в этих словах, возбудило в Леонсе некоторое волнение.

– Признаюсь, – отвечал он, – что оглушенный нападением, запутавшись в терновнике, я не мог обернуться, чтобы увидеть…

– Ага, – перебил Ларош-Боассо, – вы уже не так уверены… Притом, что это за волк, который сам объявляет о себе воем, прежде чем нападет? Это не может быть жеводанский зверь, который, по слухам, молча нападает на свою добычу и уносит ее. Еще раз я обращаюсь к опытным охотникам, здесь присутствующим,

вероятно ли, чтобы свирепое животное…

– Но тогда, барон, – возразил с нетерпением приор, – скажите нам – раз вы столь опытны в подобных вещах – какое животное испугало наших лошаков и ранило моего бедного племянника? Рана существует, она не пригрезилась ему!

– Кто знает, – сказал с насмешкой Ларош-Боассо. – У страха глаза велики… Сломанная ветвь очень могла расцарапать таким образом белое плечико вашего юноши, а если уж надо приписать эту царапину какому-нибудь лесному зверю, я скажу, что это была дикая кошка, куница, волчонок, еще сосущий свою мать, но уж ни в каком случае не такой страшный, огромный волк, как жеводанский зверь!

Это мнение, столь ясно выраженное, возбудило прения между присутствующими, и они начали перешептываться. Даже сам приор поколебался в своем убеждении.

– Правда, – сказал он, – что ни я и никто не видел зверя, но мне кажется невозможным…

– Вы слышите, господа? – перебил барон с торжествующим видом. – Они сознаются, что никто из них, поглощенных собственным страхом, не видел зверя… Решительно, преподобный отец и его племянник слишком поспешили представить себя страдальцами, и вся это прекрасная история, как вы все видите, оказывается простым падением с лошака!

Эти исполненные презрения слова, хоть и были сказаны небрежно, заслуживали строгого ответа со стороны приора, но Бонавантюр только пожал плечами, равнодушно взглянув на торжествующего Ларош-Боассо.

Кристина де Баржак не принимала никакого участия в этом разговоре. Поглощенная заботой, которой она окружала раненого, девушка, по-видимому, не слушала речей барона. Сама промыв рану, она наложила повязку, приготовленную сестрой Маглоар, очень опытной в подобных вещах. По окончании перевязки, Леонс хотел было поблагодарить хозяйку, но то ли тайное волнение слишком растревожило его, то ли потеря крови вызвала непреодолимую усталость – язык его запутался, в словах, глаза закрылись, и он лишился чувств.

– Праведный Боже! Он умирает! – закричала испуганная Кристина. – Неужели эта рана так опасна, что угрожает жизни? Сестра Маглоар! Преподобный отец!.. Сделайте что-нибудь!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

бальи – во Франции XIII–XVIII вв. представитель короля или сеньора, управлявший областью, называемой бальяжем, в которой осуществлял административную, судебную и военную власть.

Купить: https://tellnovel.com/ru/berte_eli/zhevodanskiy-zver

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить